ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 95 (3906) Суббота, 9 августа 1958 г. Цена 40 коп.

ЗАВТРА — ДЕНЬ СТРОИТЕЛЯ

НОВАЯ ПЕСНЯ ВОЛГИ

Много уже писалось о масштабности величайшего гидротехнического сооружения на Волге — Куйбышевской ГЭС. Чтобы придать хоть какую-то весомость поистине астрономическим цифрам, характеризующим объемы земляных, бетонных и прочих работ, приводились сравнения, поражающие воображение. Читателю предлагали мысленно соорудить стену высотой в три метра, шириной в метр и опоясать этой «Великой китайской стеной» экватор (таков примерный объем земляных работ!) или вообразить башню диаметром в пять метров и высотой свыше трехсот километров (столько уложено бетона) и т. д.

Возможно, люди, обладающие недюжинной фантазией, и пытались представить себе все это, но вряд ли даже такое воображение давало реальную картину величия стройки. Любые «башни» и «стены», конечно, не могут создать реальное представление о том чуде, которое сотворено руками человеческими. Поэтому мы решили не увлекаться заманчивыми сравнениями и образами, а рассказать о том, что увидели на Волге, и рассказать как можно проще.

Что же происходит сейчас на Куйбышевской ГЭС и вокруг нее?

С тех пор, как был пущен последний, двадцатый агрегат, не прошло и года. Но гидростанция сделала уже свой первый большой взнос в народный бюджет, возмещая затраты. С октября 1957 года страна получила из Жигулей более 7 миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии. Одна за другой вступили в строй линии энергопередач: Куйбышевская ГЭС — Балаково, Куйбышевская ГЭС — Бугульма, а буквально на днях началось движение на втором электрифицированном участке железной дороги Кинель—Похвистнево. Это означает, что преображенная энергия Волги, которая до недавнего времени потреблялась в основном Москвой, теперь выкачивает нефть на промыслах Татарии, активно участвует в строительстве новой ступени Волжского каскада — Саратовской ГЭС, водит электропоезда от Сызрани до Новосибирска.

Полным ходом идет сооружение линии энергопередачи к Уралу, электрифицируются сельские районы, начинают претворяться широкие планы орошения плодородных, но засушливых земель Поволжья.

Если бы вам пришлось лететь над районом Куйбышевской ГЭС на самолете, вы увидели бы внизу скопление точно магнитом стянутых сюда больших и малых новостроек. Разрезая водную гладь, лента плотины, со снующими по ней черными точками автомашин, соединяет Комсомольск и Жигулевск — два новых, растущих города, созданных гидростроителями на месте лесистых чащоб и пустошей. Над возвышающейся на фоне обнаженной скалы кирпичной трубой вьется дымок. Это работает пущенная на днях первая очередь цементного завода, располагающего самыми мощными в Советском Союзе вращающимися печами обжига. Высятся уже действующие цеха другого крупнейшего предприятия — завода цементного оборудования. Рядом возводятся корпуса завода ртутных выпрямителей. Сооружается завод синтетического каучука. Уже пущен завод сборного железобетона... Куйбышевская ГЭС обросла десятками крупнейших предприятий, работающих на базе дешевой электроэнергии, повлекла за собой рождение нового индустриального района, питающегося голубым молоком народной кормилицы Волги.

После того как вода ударила в стальные лопасти последнего агрегата Куйбышевской ГЭС, перед тем как сдать грандиозное сооружение государственной комиссии, хозяевами на стройке стали штукатуры, маляры, плиточники, озеленители.

Сверху, со стен гидростанции, доносилась бесконечная дробь пневмопистолетов, зубил и отбойных молотков. Все гранитное сооружение облицовывали гранитчики. Вереницей стояли вдоль парапета компрессорные машины, подающие сжатый воздух. Везде чистили, скребли, мыли, полировали, подкрашивали, вывозили мусор, укатывали площадки катками, выравнивали...

Всюду девушки с метелками, кисточками, полировочной водой, хитроумными щетками — палкой с пучком тонкой проволоки с загнутыми концами — ловко и тщательно отдирали строительную грязь, где бы она еще ни была. Самосвалы доставляли черную, как уголь, и рыхлую, как разварная каша, землю для клумб, газонов, цветников. Стригли «под машинку» дружную изумрудную травку, щедро поливали окруженные лунками молодые деревца с узорчатыми листьями, — благо, воды сколько угодно. Хобот-кишку опустили в Куйбышевское море, и машины-поливалки до отвала черпали чистую, присмиревшую, мягкую волжскую водичку.

Вообще, в последние дни на стройке все так же, как у хозяйки перед большим праздником или на линкоре во время «большой приборки». Ко Дню строителя наводился тот идеальный порядок, когда даже неаккуратному человеку совестно кинуть окурок на землю.

На помощь куйбышевцам прибыли лучшие плиточники Каховки, московские и киевские маляры, мастера подземных дворцов Ленинградского метро.

«Сделать самую мощную гидростанцию — самой красивой в мире!» — этой мыслью жили тысячи людей.

И вот со здания ГЭС сняты последние строительные леса...

Огромное сооружение Куйбышевской ГЭС гармонично вписано в природную рамку — лесистые берега, море, поселки строителей и над всем этим — кучевые облака. Фундамент и венец этой, кажущейся извечной, гармонии — здание электростанции, шлюзы и плотина, принявшая на свои могучие плечи давление Волги и Камы. Поближе к станции возникает негромкий, но какой-то всепоглощающий звук: словно не замирая, гудит тугая струна — ее слышат уши, ее ощущают ноги, стоящие на бетоне. В этом звуке есть что-то торжествующее: это два миллиона сто тысяч киловатт поют свою победную песню над Жигулями...

Здание гидростанции — строгое и величавое сооружение — красиво той самой чудесной красотой, которую дают целесообразность, точность, мощь, заключенные в гранит и бетон. А внутри здания, облицованного плитами светло-серого, мягкого с искринкой тона, со светло-голубым полем, обрамленного с обеих сторон темно-вишневыми мозаичными дорожками, уходят в перспективу километрового зала 20 огромных, кремово-красных шлемов агрегатов. Это от них исходит тот ровный гул, который слышен издалека. Здесь Волга отдает свою мощь сотням заводов, двигает поезда, плавит металл и в тысячах городов и колхозов зажигает огни. Вечные огни коммунизма!

Река — символ подневольного труда и бунтарства, река, породившая народный эпос и гуманное искусство Репина и Горького, поет свою новую песню. Удивительная, незабываемая красота и величие! Сочетание искусства, зодчества и индустрии здесь поражает. И главный инженер проекта Н. Малышев, и главный архитектор гидропроекта Р. Якубов создали, вместе с другими проектировщиками и строителями, удивительную гамму линий, мощных и мягких. Свет льется в огромные окна, высота каждого из них достигает, пожалуй, трехэтажного дома, и заливает солнечными потоками светло-серые мраморные облицовочные плиты.

Голубой пол, словно вышедшая из берегов река, а под полом, на глубине в несколько десятков метров, сто двадцать трудяг-лопастей принимают на рабочие колеса турбины укрощенную энергию великой русской реки. Они ворочают гигантские роторы. Здесь-то и совершается таинство превращения механической мощи воды в электрические мощности. Ветер свистит в ушах, когда пробуешь заглянуть в смотровые люки под ротором. А звук струны, слышимый там, снаружи, здесь кажется сверхъестественным вселенским гулом. И все это создано разумом и руками советского человека. Это — гимн индустрии, симфония строительному гению!

Целая армия, около двух тысяч инженеров, трудилась над проектом Куйбышевской ГЭС. Все нити огромной творческой работы сходились в кабинете главного инженера проекта Н. А. Малышева. На днях, когда сюда съезжались на праздник гости со всех концов страны, Николай Александрович подробно рассказывал им о создании проекта Куйбышевской ГЭС, о том, как из многих возможных вариантов створа плотины был выбран, наконец, этот единственный, возле Могучовой горы; какие разные точки зрения существовали на размещение сооружений будущего гидроузла; сколько подсчетов, изысканий, проверок проводилось, прежде чем на чертежи наносилась очередная маленькая деталь... И поистине, как велико должно быть удовлетворение авторов проекта и строителей, на чьих глазах волжский гигант шагнул с листов ватмана и кальки и встал у Жигулей на века!

Одна из многочисленных героинь стройки — штукатур Марфа Трофимовна Шубина, простая русская женщина, мать пятерых сыновей. На стене скромной квартирки Шубиных висит выцветший портрет. На фотографии запечатлен пожилой, давно небритый мужчина лет пятидесяти, в крестьянской косоворотке. Это Трофим Семенович Косоруков, отец Марфы Трофимовны, умерший, когда она была еще девочкой.

Единственный раз в жизни довелось вечному труженику Трофиму Косорукову стоять перед объективом аппарата. Как дорогую память об отце, а вместе с тем и о горьком, трудном детстве Марфы Трофимовны, хранит в рабочей квартирке Шубиных этот старый портрет.

А вот другие фотографии, взятые из семейного альбома. В запятнанном известкой комбинезоне, с растворонасосом в руках, Марфа Трофимовна стоит среди таких же, как она, женщин-штукатуров своей бригады. Еще фотография, засиятая, очевидно, жизнерадостным фотографом-любителем: опять женщины сияют, другие, смеясь, как мячиками, перебрасываются тугими волжскими арбузами.

Марфа Трофимовна Шубина — одна из тех, кого подняла и вырастила великая стройка у Жигулей. Сюда она приехала в 1951 году, когда на месте теперешнего белокаменного Комсомольского, где она сейчас живет, шумел лес, а на вырубках лежали груды щебенки и свеженаваленного песка. И сейчас с гордостью проходит по улицам родного городка эта женщина, известная всей стройке, потому что чуть ли не с каждым вторым домом Комсомольского связана ее трудовая биография.

Много ли здесь таких, как она? Много. Да о всех не расскажешь.

Как сделаешь это, когда в одном только автопотоке, обслуживавшем стройку в страдные дни, было 7 тысяч машин и за рулем очень часто сидели настоящие герои!

Великая стройка у Жигулевских гор пробудила высокие чувства в сердцах у людей и вызвала потребность запечатлеть ее словом. А пока «большая литература» раскачается, — сами строители уже создали книги о своем любимом деле. «Бывалые люди» Куйбышевгидростроя уже выпустили несколько книг. Среди них одно из первых мест по праву занимают записки И. Комзина — бессменного начальника строительства.

Книга эта написана темпераментно, одним дыханием, живо, интересно. Это отнюдь не мемуары, которые человек пишет на склоне жизни, на досуге, вспоминая прожитое, подытоживая опыт боевого или трудового коллектива. В книге И. Комзина «Счастье строителя» есть много хороших страниц о своих раздумьях, как руководителя стройки, об опыте строительного коллектива, которым он руководил и у которого сам многому научился. Это слово человека, шагающего вперед, на ходу обдумывающего достижения и ошибки, промахи, взлеты и успехи. Успехи, — чтобы передать их другим, промахи, — чтобы предостеречь от них всех, кто идет по уже проложенной куйбышевцами дороге.

Хороша также книга «У подножья Жигулей». Автор — солдат-сталинградец, воевавший связистом, известный всей стране экскаваторщик Михаил Евец. Он живо рассказывает о своей жизни и труде.

Интересно также задумана коллективная книга литературного творчества куйбышевских гидростроителей — сборник «Огни Жигулей». В ней — стихи, очерки, рассказы, записные книжки и даже водевиль. Тут есть и свежие вещи, хорошие для начинающих, есть и послабее. Но «кто знает, — может быть, пройдет время и автором талантливой книги о наших днях, о больших делах и смелых дерзающих людях окажется кто-либо из строителей Куйбышевского гидроузла...». С этой мыслью А. Мурысева, тогдашнего секретаря парткома, высказанной в предисловии этого литературного сборника, можно согласиться.

За восемь лет о народном подвиге у Жигулей, помимо книг «бывалых людей», публицистических статей и очерков, опубликовано множество стихов, рассказов, есть повести и романы. Оценивать эту весьма разнородную и неравноценную литературу задача особая. Но одно можно сказать: создание истинно народной книги об эпопее на Волге остается долгом нашей литературы.

Завтра, в праздник строителей, многотысячный коллектив Куйбышевгидростроя предъявляет народу, Коммунистической партии Советского Союза, Советскому правительству итог своего восьмилетнего труда. Но не только в самой стройке этот итог. Значение Куйбышевской ГЭС и в том, что здесь осваивались в производственных условиях тактика и стратегия создания экономической базы коммунистического общества. Это метко определил академик Винтер: «Днепрострой был для нас университетом. Куйбышевская гидроэлектростанция, как и другие великие стройки, — это академия строительства». Недаром передовые ученые, целые исследовательские коллективы, институты переносили в ходе стройки свои исследования сюда, на строительную площадку.

Этот гигант строила вся страна. И вся страна стала богаче от того, что вступила в строй эта величайшая в мире электростанция. Страна обогатилась не только новым могучим источником электроэнергии, но и великолепными кадрами строителей, вооруженными знаниями и опытом, закаленными в боях с непокорной, но покоренной уже Волгой. Поздравим их от всего сердца!

П. ВЕРШИГОРА.
Ю. ОКЛЯНСКИЙ.
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

СТАВРОПОЛЬ—ЖИГУЛЕВСК.
(По телефону)

ПЕВЕЦ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Вчера исполнилось шестьдесят лет со дня рождения замечательного советского поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача.

Этой дате был посвящен вечер, состоявшийся 7 августа в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького в Москве.

Вся страна до сих пор поет чудесные песни В. Лебедева-Кумача, написанные десятилетия назад — в дни мира и в дни войны. Поэты С. Васильев, А. Жаров, Е. Долматовский, А. Коваленков, М. Матусовский, А. Софронов, С. Смирнов, артист Л. Утсов, композиторы Ю. Милютин, Дм. Покрасс выступили на этом вечере, поделились своими воспоминаниями о выдающемся поэте, вдохновенном певце нашей Советской Родины.

Павильон СССР на Всемирной выставке в Брюсселе. Возле макетов советских спутников. Вот так — каждый день!

Фото Ю. КОРОЛЕВА

«Слава стране Спутников»

Позавчера, покидая столицу Бельгии, я слышал в аэропорту тревожные вопросы, которые задавали люди, только что прилетевшие в Брюссель: «Ансамбль Моисеева еще не выступал?», «Скажите, еще не закончились гастроли Московского цирка?»...

Представители советского искусства, которых в Национальные дни СССР будут приветствовать жители Брюсселя и многочисленные посетители выставки, новыми яркими красками дополнят волнующий образ нашей родной страны, так талантливо и правдиво раскрытый в Советском павильоне.

Среди моих спутников оказался американский турист, юноша из Калифорнии, только что окончивший колледж. Отец купил ему туристскую путевку в СССР, «чтобы он лучше понял жизнь». Одобрительно оглядывая салон самолета «ТУ-104» и удобно усевшись в кресле, юный американец сказал мне: «Ну вот, я продолжаю путешествие по вашей стране, начатое в Советском павильоне».

В этот миг я мысленно перенесся в Советский павильон и снова увидел тысячи и тысячи людей, которые спокойно и методично, переходя от экспоната к экспонату, как бы совершали путешествие по необъятной Советской стране.

Государства и народы показывают на Всемирной выставке в Брюсселе немало интересного, необычного. Многие павильоны оставляют яркое впечатление. И все же эти павильоны просто посещают, осматривают. В нашем же павильоне люди действительно путешествуют, пристально вглядываются в нашу советскую жизнь, жадно изучают каждую фотографию, стенд, модели, надписи. Такое же ощущение путешествия в новую жизнь остается, когда побываешь в павильонах Чехословакии, Венгрии.

Нашей группе, состоящей из кинохроникеров Москвы, Узбекистана, Грузии, Эстонии, поручили создание полнометражного цветного документального фильма о Всемирной выставке в Брюсселе. Изо дня в день, вооружившись кинокамерами, мы с рассветом появлялись на территории выставки и покидали ее, когда гасли огни павильонов. В своей картине мы, конечно, расскажем о всей выставке, воздадим должное ее чудесам и достопримечательностям. Но мы счастливы, что всеми признанной, наиболее выдающейся достопримечательностью выставки является Советский павильон. Мы имеем в виду не просто и не только его архитектуру, а весь, так сказать, идейно-художественный и смысловой ансамбль павильона, в совокупности представляющий наш советский образ жизни, нашу культуру, нашу мораль, наши успехи, достигнутые за 40 лет Советской власти.

Мы поставили перед собой задачу не просто показать экспонаты, а прежде всего репортажно «схватить», «подсмотреть» отношение к ним людей, путешествующих по павильону. И мы хотим, чтобы рассказ о Советском павильоне, весь дикторский текст слагался из слов самих посетителей. А слова эти можно найти в многочисленных объемистых книгах впечатлений, которые имеются в каждом разделе выставки. Вот маленькая, совсем маленькая частица этих слов, написанных людьми из Франции и Бельгийского Конго, из Западной Германии и Португалии, из Чехословакии и Бразилии, из Египта и Америки, из многих, многих больших и малых стран:

«Ваш павильон чудесен. Он ободряет всех людей, которые стараются понять смысл жизни и которые больше всего заботятся о подлинной справедливости». «И все это за 40 лет!». «Большой народ, большие достижения». «Гордая страна, честные люди. Привет завтрашнему миру!». «Я онемел от удивления, от машин, делающих все автоматически». «Один человек работает за 50 и нет безработицы. Браво!». «Наряду со спутником Советский Союз показал новые усовершенствованные машины в области бурения, созданные для облегчения человеческого труда. Этот прогресс обещает создать лучшую жизнь как для рабочих, так и для всего человечества». «Ваш павильон похож на сон». «Моя дочь и я гордимся тем, что имели возможность увидеть все то, что вы делаете для детей». «Советские художники умеют рисовать, живописать, и их картины всегда сюжетны».

Конечно, бывают и иные слова в книге. Вот например: «Я едва верю тому, что вижу». Или: «Я, несмотря на всю антипатию, которую чувствую к вам, не могу удержаться, чтобы не сказать, что ваша выставка мне все же понравилась. Но это только между нами». Другие более смело утверждают: «Это замечательная выставка» — и здесь же, как бы спохватившись, спрашивают: «Но разве Россия на самом деле такова?»

И это им тут же, в книге, отвечают посетители: «Я нахожу здесь атмосферу, которую узнал в Москве во время фестиваля в 1957 году». «Я с удовольствием отмечаю, что павильон СССР точно отражает реальность того, что я видел в самом СССР, как в Сталинграде, так и в Минске, как в Москве, так и в Ленинграде».

...«Слава Советскому Союзу, его народам, правительству, за счастье видеть страну Спутников в Бельгии», — так записал в книге один бельгиец. Мне кажется, что эта запись ярко и правдиво выражает отношение многих и многих бельгийцев и вообще посетителей выставки к Советскому павильону, к Советской стране.

Сейчас Брюссель с интересом ожидает предстоящие на выставке Национальные дни СССР, которые будут проведены 11—13 августа.

Р. ГРИГОРЬЕВ.
кинорежиссер Центральной студии документальных фильмов

Великодушный акт дружбы

7 августа в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, и в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже, в торжественной обстановке состоялось открытие выставок произведений искусства, передаваемых по решению Советского правительства Германской Демократической Республике. В залах московского и ленинградского музеев представлены многочисленные ценности, спасенные советскими войсками от уничтожения во время второй мировой войны на территории Германии.

Выставки вызывают огромный интерес. Тысячи посетителей уже побывали в эти дни в Музее имени Пушкина и в Эрмитаже.

Макс ЗЕЙДЕВИЦ,
генеральный директор Государственного собрания произведений искусств (Дрезден)

Велика была наша радость, когда мы узнали, что Совет Министров СССР решил передать правительству Германской Демократической Республики сокровища немецкого искусства, спасенные Советской Армией от уничтожения и находившиеся до сих пор на хранении в Советском Союзе.

Этот гуманный акт Советского правительства, принятый вслед за передачей в 1955 году 1 240 выдающихся произведений искусства, входящих в коллекцию Дрезденской галереи, — еще одно убедительное проявление искренней и великодушной дружбы, которую питает советский народ к народу Германии. Правительство и народы Советского Союза могут быть уверены, что в ГДР — государстве рабочих и крестьян — сокровища мировой культуры будут находиться в надежных руках и станут доступны всему немецкому народу и всему человечеству.

Мне хочется сказать, что произведения искусства, переданные Советским Союзом в 1955 году, за два года после восстановления разрушенного англо-американскими бомбами здания Дрезденской галереи, осмотрело около миллиона человек. В их числе было более 100 000 посетителей из Западной Германии. Они могли воочию убедиться, какой ложью пичкала их западногерманская пропаганда, когда утверждала, что из Советского Союза в Дрезден были доставлены лишь копии «Сикстинской мадонны» и других картин, а оригиналы остались в Москве.

Среди первого миллиона посетителей Дрезденской галереи было примерно 120 тысяч иностранцев. Многие из них оставили свои записи в книге отзывов.

Президент Вьетнама Хо Ши Мин пишет о благородном, способствующем укреплению связей между народами акте Советского Союза, передавшего дрезденские сокровища немецкому народу.

Профессор университета Васэда в Токио доктор Фунаки в книге отзывов записал: «Я весьма рад тому, что Советский Союз смог спасти дрезденские произведения искусства от уничтожения и вернул их немецкому народу в таком превосходном состоянии».

Профессор пекинской школы искусств Ай Чу-син пишет: «За спасение этих ценных произведений героическая Советская Армия заслуживает большой благодарности. Хвала Советскому правительству, возвратившему их теперь навсегда немецкому народу!»

Муниципальный советник Эдуард Диксон из Ковентри (Англия) записал: «Я весьма счастлив тем, что посетил галерею... Спасибо Советской Армии за возвращение этих сокровищ на их старое место, в Дрезден».

Г-н Чукс Онианва из Нигерии заявил: «Спасение бесценных сокровищ Дрезденской галереи и их возвращение Германской Демократической Республике — прекрасный символ дружбы народов. Задача состоит в том, чтобы совместно — нам всем — бороться за мир...»

Три года назад для перевозки произведений Дрезденской галереи, переданных Советским Союзом ГДР, потребовалось 45 железнодорожных вагонов. Теперь же для перевозки передаваемых произведений искусства, число которых определяется примерно в полтора миллиона экспонатов, потребуется более 300 железнодорожных вагонов!

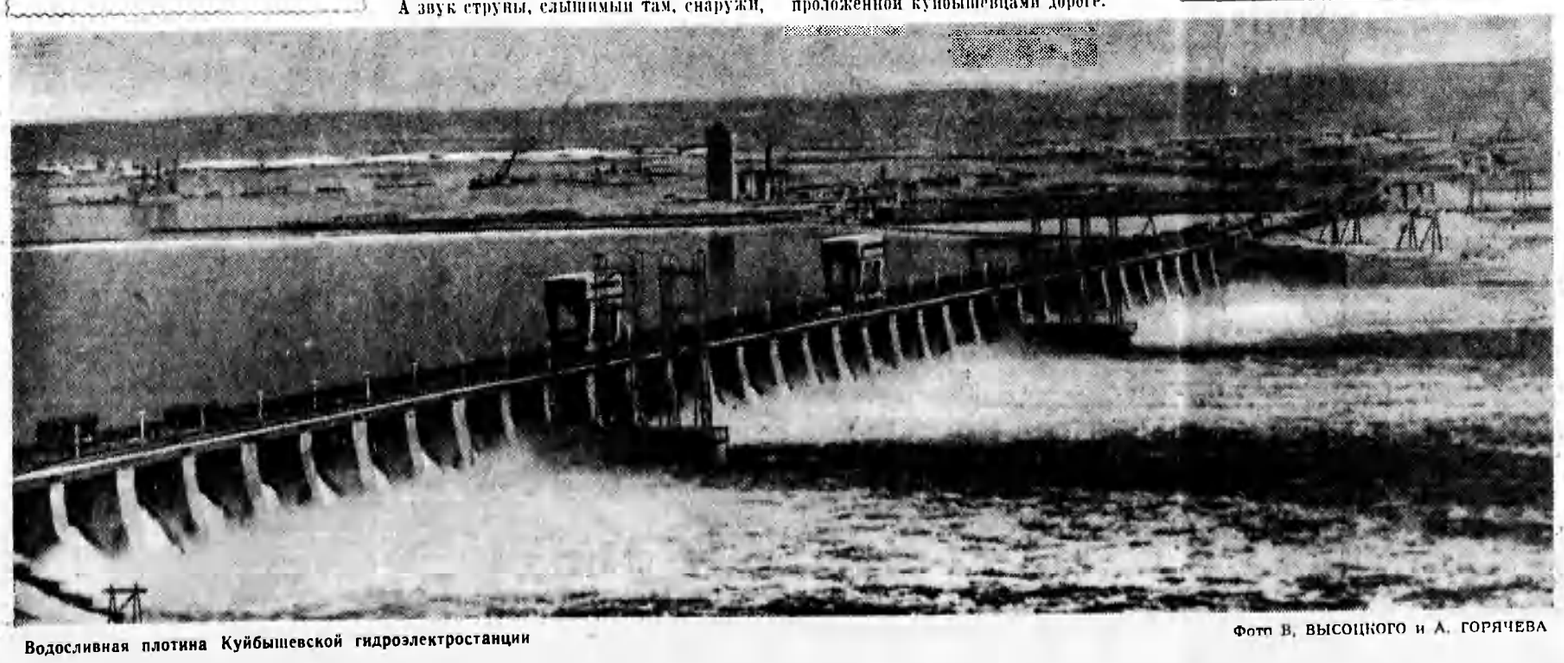
В Дрезден прибудут новые сокровища, ценность которых не поддается определению. Прежде всего речь идет о так называемом «Зеленом склепе», бывшей сокровищнице саксонских курфюрстов и королей, которая, подобно кремлевской Оружейной палате, была хранилищем уникальных произведений искусства из золота, серебра, драгоценных камней, фарфора, коллекций монет, столовых приборов, ваз, кустарных изделий.

Спасенная дрезденская коллекция фарфора, так же как и знаменитая константинопольская, — самое большое собрание подобного рода в мире. Дрезденская коллекция гравюр содержит ценные гравюры на меди и рисунки, подаренные будущим поколениям Дюрером, Рембрандтом и другими великими художниками.

После передачи произведений искусства музеям Дрездена, Берлина, Лейпцига и других городов большая часть немецких национальных сокровищ культуры будет сосредоточена в Германской Демократической Республике. В Дрездене в дополнение к существующей галерее откроется новый музей искусств, этот город станет крупным общегерманским центром культуры.

Немецкий народ сердечно благодарит своего великого друга — Советский Союз. Мы никогда не забудем, что не кто иной, как советские солдаты и офицеры, взяли на себя задачу разыскать, спасти и сохранить человечеству сокровища, к которым нацисты проявили столь безответственное отношение. Если бы не своевременное вмешательство Советской Армии, которая разыскала бесценные произведения искусства в грязных ямах, сырых подземельях, залитых водой шахтах, величайшие ценности были бы уничтожены или расхищены. Советская Армия, советские искусствоведы и реставраторы совершили подвиг, которым все мы гордимся.

Принимая сокровища искусства мирового значения, Германская Демократическая Республика берет на себя серьезные обязательства. Ей предстоит стать хранительницей большой части национальных художественных богатств. Глубоко благодарим вас, советские друзья, и Советское правительство за братское чувство дружбы и доверия!

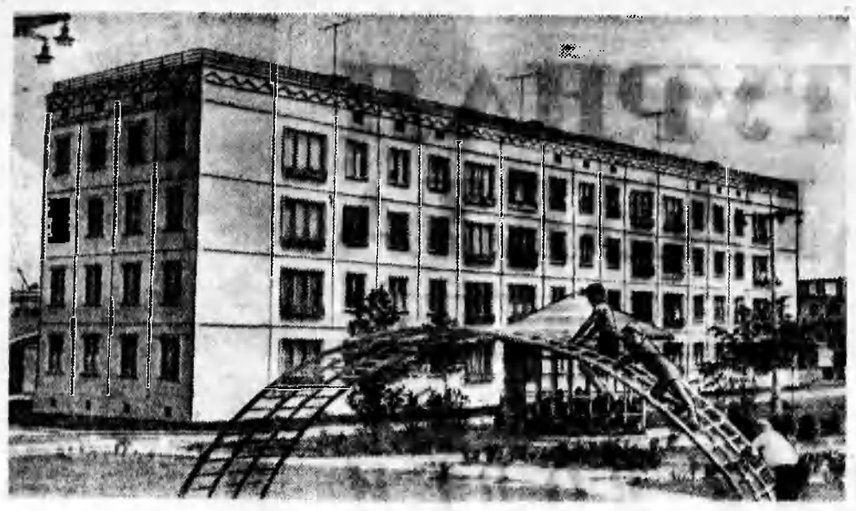


Водосливная плотина Куйбышевской гидроэлектростанции

Фото В. ВЫСОЦКОГО и А. ГОРЯЧЕВА

Дом, в котором мы будем жить

Вл. ПАВЛОВ



ДЕВЯТЫЙ КВАРТАЛ. Сразу за огромным щитом, на котором нанесена его схема, открываются просторные проезды между ровными рядами домов, аккуратные спортивные площадки, грибки и качалки детских городков. Терпкий запах молодой зелени деревьев, травы, цветов смешивается с запахами стройки — свежей земли, асфальта, краски.

Стройкой новых домов у нас никого не удивишь, но здесь, в девятом квартале, все выглядит необычно: и сами здания — жилые и общественные, и отсутствие дворов, и непривычное для горожанина ощущение простора. Въезжаешь — и кажется, что попал в какой-то другой, незнакомый город... Среди многих кварталов жилых домов, сооружаемых на Юго-Западе столицы, девятый занимает особое место. Это — огромная лаборатория, в которой инженеры и архитекторы в реальных условиях испытывают строительные конструкции, системы зданий, новые материалы, различные типы планировки, способы и методы строительства...

Каждый дом девятого квартала — участник своеобразного конкурса на лучший типовой проект жилища. Жюри этого конкурса — не только строители и экономисты, но и сами жители девятого квартала. Они, пожалуй, самые взыскательные и самые требовательные судьи.

Теперь, когда девятый квартал в основном уже закончен и все его здания заселены, определился «победитель». Это — дом № 14.

Войдите в него — и вас охватит чувство большой благодарности его создателям. Все здесь просто, без особых претензий, но каждая мелочь свидетельствует о настоящей заботе о человеке, живущем в этом доме. Удобства начинаются уже на лестнице. Она полога и легка, ее ступени имеют невысокую проступь, по ним нетрудно подняться и людям с больным сердцем.

Мне захотелось побывать в одной из квартир. Преодолев обычную в таких случаях неловкость, я позвонил. Дверь открыла хозяйка квартиры — Лариса Петровна Колесникова.

Из прихожей направо — ванная, с единственным, вращающимся на шарнире, никелированным хоботком-краном, из которого можно наполнять ванну и мыть руки в умывальнике. Дальше — небольшая кухонька с удобными, покрытыми белой эмалью шкафчиками, раздвижным столом-раковиной для мытья посуды. В квартире — три комнаты. Одна из них—большая—гостиная. Отсюда ведут двери в две другие — поменьше. Полы покрыты блестящим, под паркет, резиновым пластиком; стены оклеены хорошо подобранными, мягкого оттенка обоями. Высокие окна пропускают много света. Все это создает ощущение пространства, делает квартиру уютной и нарядной.

Я спросил у хозяйки, Ларисы Петровны:

— Не мешают ли вам низкие потолки? Ведь всего два семьдесят!

— Что вы! — улыбнулась она. — Мы и не замечаем! Дом, где я жила, был старый, потолки высокие. Но разве сравнишь с тем, что сейчас! Просторно, удобно, тихо!..

— Тихо? Но у вас такие тонкие стены! Неужели через них не доносится шум?

— Представьте — мы живем в полнейшей тишине. Стоит только закрыть окна — и ни одного звука!

А ведь Лариса Петровна — не строитель. Ей неизвестно многое, скрытое для глаза непосвященного человека, что служит критерием при оценке дома.

ДОМ № 14 примечателен не только потому, что он лучше многих зданий, построенных в девятом квартале, не только потому, что он служит образцом для целых новых городов, поселков и кварталов. Он примечателен еще и потому, что в основу его проектирования заложены доселе неизвестные строительной науке принципы...

Несколько лет тому назад мне довелось разговаривать с итальянским инженером-строителем Джангуиоло Боргезе из Болоньи. Он много рассказывал о сооружениях, построенных за последнее время в Италии, — о жилых домах, гаражах, вокзалах... Все эти сооружения во многом интересны, в них отражены достижения строительной техники, они поражают блеском инженерной мысли. Но когда я спросил: «А по каким проектам вы строите: по типовым или индивидуальным?» — Боргезе удивленно поднял брови:

— Конечно, по индивидуальным! У нас — конкуренция!..

К тому времени, когда конструктор дома № 14, главный инженер архитектурно-планировочного управления Моссовета Виталий Павлович Лагутенко впервые сделал карандашные наброски будущих конструкций и деталей, строительная наука накопила огромный опыт. За десятки тысяч лет, прошедших с тех пор, как человек впервые положил камень на камень и построил стены, защитившие его от ветров и непогоды, открыл вяжущие свойства извести, научился обжигать глину и делать кирпич, на нашей планете выросли села и поселки, гигантские города с многомиллионным населением, роскошные дворцы, небоскребы, особняки. В них, в этих замечательных творениях человеческой мысли и труда, для обитателя созданы все удобства. Казалось, стоит лишь обратиться к отечественному и зарубежному опыту, и можно без хлопот создавать удобные жилые дома. Но задача, которую предстояло решить Виталию Павловичу и его помощникам из седьмой магистральной мастерской Мосгоспроекта, как и сотням других инженеров, ученых, изобретателей нашей страны, была необыкновенно сложна, и ее приходилось решать впервые.

Ведь никогда никому раньше и в голову не приходило направить инженерную мысль на разработку проектов и поиски материалов, с помощью которых можно было бы построить **сразу много жилья — удобного, теплого, сухого, — жилья для всех.** Эта задача небывалая и огромная. А время не ждет, и на ее решение партия отвела строителям короткий срок — десять-двенадцать лет...

НАШ РАЗГОВОР с Виталием Павловичем Лагутенко начался необычно для интервью. С первых же слов выяснилось, что оба когда-то окончили МИИТ. Мы сидели в кабинете возле письменного стола, заваленного чертежами, схемами, фотографиями, и припоминали профессоров, расположение аудиторий и множество других, милых студенческому сердцу подробностей.

— Хочешь больше строить? — сказал, наконец, Виталий Павлович. — Давай больше материалов. Давай железобетон, цемент, кирпич. Верно? — Лагутенко улыбнулся, провел рукой по бобрику темных, с проседью волос. — Но это путь наименьшего сопротивления. Если идти по нему, пожалуй, не уложишься и в двенадцать лет: не сумеем мы за этот срок ликвидировать жилищный кризис. Есть иной выход. Почему бы за счет инженерного мастерства, за счет возможностей новой техники не сократить расход материалов? Ну хотя бы наполовину.

— У архитектора, — продолжал Лагутенко, — все на виду: сразу видны карнизы, шпили, колонны. А в конструкциях — сложнее. Если инженер напроектирует что-то лишнее, ненужное, то сразу и не обнаружишь... Случается, в угоду моде, запихивают в здание очень тяжелые конструкции. Они не только не работают сами, но еще своим весом угнетают соседние.

Речь пошла не просто об удешевлении, а о том, чтобы сделать стоимость квадратного метра жилья намного дешевле — вдвое, втрое, сохраняя при этом для человека все удобства.

Для Лагутенко было ясно, что все эти требования можно выполнить только в том случае, если конструкция будущего дома можно будет делать на заводе, а на самой строительной площадке лишь собирать из готовых деталей здание. Но и этого мало. Пришлось разработать такие детали, чтобы они были легки и не уступали в прочности деталям обычных зданий, тонки, но звуко- и теплонепроницаемы, — и, наконец, чтобы детали были унифицированы, то есть могли бы быть поставлены в дом в два-три-четыре этажа, чтобы дома можно было собирать, как игрушки из детского «конструктора».

Виталий Павлович обратил внимание на то, что конструкции в построенных домах «работают» не в полную силу, что они непомерно толсты и тяжелы, в них скрываются излишние запасы, которые строители в шутку называют «коэффициентом незнания». Взять хотя бы пол и потолок. Какую тяжесть несет на себе потолок? Почти никакой! Зато пол — это «работяга». Он принимает на себя вес людей, мебели, оборудования. Несмотря на это, до сих пор пол и потолок делались из одной общей железобетонной плиты. А что, если отделить пол от потолка? И Лагутенко решил делать пол из железобетона, а потолок — из двойных листов сухой штукатурки. Это позволило толщину пола сократить более чем вдвое. Во столько же раз сократился и расход железобетона.

Но облегченные пол и потолок дали сравнительно небольшую экономию. Вес этих конструкций, по сравнению с общим весом здания, не так-то уж велик.

Куда сложнее обстояло дело со стенами и перегородками. Испокон века стены несли на себе всю тяжесть здания, всей его «начинки»... А перегородки, особенно в небольших квартирах, составляют главную часть веса здания. Как же можно сразу намного облегчить этот вес? Сделать тоньше стены? Но тогда они не выдержат давления, разрушатся. Может быть, сократить количество перегородок? В таком случае получатся огромные комнаты! Как же быть?

Виталию Павловичу был известен способ строить здания «каркасным» методом. Заключается он в том, что вначале сооружается стальной или железобетонный скелет-каркас, на который уже затем навешивают стены. В этом случае стены не несут никакой нагрузки, кроме собственного веса, — вся тяжесть здания воспринимается каркасом. Потому стены можно сделать из легких и дешевых звуко- и теплонепроницаемых материалов.

Но каркас, даже если он сделан из железобетона, очень дорог и сложен в изготовлении. Тогда, после долгих раздумий, блеснула, наконец, смелая мысль: а что если сделать у перегородок более толстые края, превратив их как бы в стойки каркаса?

— Но тогда, — рассуждал изобретатель, — придется поставить перегородки друг на друга и заставить их нести на себе всю тяжесть здания. Простой подсчет подсказал, что в этом случае перегородки будут ничуть не тоньше обычных наружных стен. Не годится!..

Но Лагутенко чувствовал, что он напал на правильный путь, подсчитывал, вычерчивал все новые схемы. И вот решение нашлось:

— А что, если оставить между верхней и нижней перегородками щель и заставить ее работать только на изгиб?.. В этом случае перегородка получится очень тонкой — всего 4 сантиметра! Но тогда... Нет, на сей раз доводов против не нашлось. Перегородкам придали форму двутавровой балки — двух букв «Т», соединенных друг с другом вертикальными палочками, а когда их все поставили друг на друга, макет дома № 14 сделался похожим на шкаф для картотеки, из которого вынули ящики. Оставались стены, но это было уже несложным делом — их запроектировали навесными, такими же, как у каркасных зданий...

ДОМ № 14 построен и заселен. По удобствам он значительно лучше многих, построенных ранее. А квадратный метр жилой площади в этом доме обошелся много дешевле обычной цены. К тому же дом в три с половиной раза легче кирпичного, расход железобетона, несмотря на то, что весь дом построен именно из этого материала, в два раза меньше. Для дома № 14 не сооружались трудоемкие и дорогие сплошные ленточные фундаменты. Он поставлен на небольшие бетонные столбы — «стулья»...

Сейчас в столице, на Хорошевском шоссе, уже заложены первые двадцать домов конструкции В. П. Лагутенко. Недалеко время, когда из таких домов будут возводиться новые кварталы, поселки, целые города.

А Виталий Павлович накалывает на чертежную доску чистый лист ватмана, берется за логарифмическую линейку.

— Мало!.. А что, если?..

И он создаст еще лучшие дома!

ФЕЛЬЕТОН

ЗНАХАРИ ОТ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

КОГДА защитник начал речь, публика насторожилась, а председатель суда, тревожно поглядывая на народных заседателей, принялся ставить на чистом листе бумаги вопросительные знаки. Юрист, потирая гладкую, как бильярдный шар, голову, излагал приятным баритоном примерно следующее:

— Мой подзащитный фактически не нарушил правил уличного движения, то бишь он правильно выписал наряд. Но в одном месте он тормознул, а надо было газануть. Вот и полетели подшипники! Считаю необходимым, чтобы представители ОРУДа, то есть народного суда, зажгли фары справедливости.

Сознаемся, может быть, как раз не эти слова произносит, выступая в суде, С. Я. Николаевский. Но слушавшие его утверждают, что он изъясняется примерно так. Ведь все юридическое и общее образование данного «адвоката» составляют два курса Харьковского автодорожного института.

Когда однажды этого питомца автотранспорта спросили, по какому праву он выступает в судебном зале, Николаевский с оскорбленным видом вытащил удостоверение, из которого явствует, что он состоит в юридической группе артели «Нитрудобслуживание» и что это почтенное учреждение доверило ему решать сложные вопросы юриспруденции.

Мы долго, но безуспешно пытались выяснить, как расшифровывается название артели. К сожалению, ни в правлении, ни в вышестоящем учреждении — Мосгорпромсовете так и не сумели перевести это сложное и загадочное сочетание из восемнадцати букв. Одни утверждали, что две первые буквы свидетельствуют о трудовом обслуживании инвалидов. Другие напирали на то, что здесь работают только интеллектуальные личности, каковым, несомненно, является недоучившийся автомобилист Николаевский, и другие, речь о которых пойдет ниже.

— Впрочем, эти буквы имеют значение синтетическое, — доверительно сообщил нам заместитель председателя правления тов. Булахтин. — Мы принимаем на работу инвалидов. Но они одновременно должны быть лицами интеллектуального труда — юристы, машинистки, стенографистки, переводчики. Раньше здесь крутились еще и художники, и даже скульпторы...

Не вдаваясь в подробности, как удалось тов. Булахтину избавиться от художников и тем паче от скульпторов, мы убедились, что, например, в прошлом году правление артели избавилось и от основной своей обязанности: устраивать на работу инвалидов. Об этом повествуют скорбные строки решения Мосгорпромсовета от 25 февраля 1958 года. Именно тогда был снят с работы бывший председатель, а Булахтину объявлен строгий выговор. Вместо инвалидов они приняли на работу восемнадцать цветущих, здоровых людей. Правда, их принимали в большинстве случаев при предъявлении бумажек, на которых были начертаны начальнические слова: «Направляем для использования на работе». Так, юристы тт. Замарцев, Межметдинов, Вольф, Дудлер, Желибо и другие были посланы в артель из... Мосгорпромсовета и Роспромсовета. Но даже и это обстоятельство не спасло руководителя артели от возмездия.

Более половины юристов артели не имеет дипломов. В анкетах они так и именуют себя — «практиками».

Тов. Булахтин вздыхает:

— Не можем выяснить, у кого есть дипломы, у кого нет. Приходится верить на слово...

Но не только недоучившиеся юристы ищут тут прибежища.

Две приятельницы — Мери Розовская и Лидия Сусловская в 1957 году окончили Государственный педагогический институт иностранных языков. Но они не пожелали выехать туда, где нужны молодые преподаватели. Протекцию маменькиным дочкам оказали в Мосгорпромсовете. Отсюда дали предписание председателю инвалидной артели принять двух румяноще-ких девиц. Но уже первые их переводы до того напугали местных руководителей, что в конце концов юных лингвисток решено было уволить. Однако из Мосгорпромсовета последовало распоряжение принять обеих обратно!

Между тем многие инвалиды с образованием не могут найти здесь работы. Так, А. И. Брансбург неоднократно пытался вступить в артель, но ему учтиво предложили «самому найти точку, которую он мог бы обслуживать». Инвалид Отечественной войны юрист с дипломом Н. Е. Белов восемь месяцев не имел никакого заработка.

Мы разговаривали об артели в разных организациях. В Мосгорпромсовете нам честно признались:

— Никак не разберемся с ними... Может, их закрыть?

В Министерстве юстиции РСФСР, напротив, посоветовали:

— Не трогайте вы их! Хоть там и непорядки, а разворошишь, как бы хуже не вышло...

В Московской городской коллегии адвокатов попросту испугались:

— Мы, ей-ей, тут ни при чем...

Ни при чем! Не в этом ли равнодушном слове и загвоздка? Ведь кто-кто, а мощный коллектив московской адвокатуры способен повлиять на работу артели, взять над ней шефство. Почти каждый день московские корифеи от юриспруденции сталкиваются в судах с недоучками и невеждами, нашедшими теплые местечки в инвалидной артели. Многие из них знакомы московским адвокатам. Более того, получается своеобразный круговорот: выгнали человека за неблаговидные поступки из коллегии, а он буквально на следующий день уже приветствует бывших друзей в суде.

Такое произошло, например, с тем же Николаевским, с А. В. Вольским и некоторыми другими, совершившими недостойные поступки.

Когда в 1953 году была создана артель с благородной целью устраивать на работу инвалидов, трудно было предположить, что эта организация станет прибежищем лжеинвалидов и темных дельцов. Кстати, юристы артели сумели очень ловко составить и устав, в котором записано, что лица, не имеющие законченного юридического образования, но проработавшие на различных юридических должностях не менее пяти лет, имеют право заниматься юриспруденцией.

Таким образом, официально разрешено знахарям от юриспруденции толковать процессуальный кодекс, выступать в судебных заседаниях с авторитетным видом.

Тут надо оговориться: в 1939 году, утвердив «Положение об адвокатуре СССР», Совет Народных Комиссаров действительно разрешил заниматься юриспруденцией людям, не имеющим законченного высшего образования, но обладающим большим практическим опытом. Но ведь это было девятнадцать лет назад, когда в стране не хватало работников юстиции. Сейчас иное положение. Наши вузы выпустили много способной молодежи. Московской адвокатуре запрещено принимать на работу юристов без диплома. Ведь если карается по закону врач-знахарь, почему должен существовать юрист-знахарь? Разве юридическая ошибка менее опасна, чем ошибка врачебная?

А пока артель существует в описанном нами состоянии. И ежели вдруг в суде вы увидите, как с адвокатской скамьи поднимается немолодая дебелая дама и начинает свою речь так: «Это дело скроено из неровных кусков! Его надо убрать в талии и сделать вытачки!..» — не удивляйтесь! Перед вами — бывшая портниха, поступившая в артель по телефонному звонку в качестве очередного юриста-инвалида.

Ирина ВОЛК

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Анонимные» сооружения

Я ВИДЕЛ, как любуются люди выстроенным недавно в Новосибирске коммунальным мостом. Имея большое практическое значение для жителей города, мост в то же время красив той особой строгой красотой, которая присуща многим созданиям технической мысли.

Древние говорили, что архитектура — это застывшая музыка. Глядя на большие мосты, я иногда думаю, что их можно было бы назвать застывшими математическими формулами: ведь расчет и проектирование мостов требует очень тонких и точных вычислений. Но кто проектировал новосибирский мост, под чьим руководством он строился, — об этом, вероятно, писали в газетах в день его открытия, а сейчас знают, наверное, только работники горисполкома.

Чтобы не забывались имена творцов крупных строительных сооружений, нужно установить порядок, по которому на каждом крупном здании или сооружении укреплялась бы медная дощечка с фамилиями проектировщика и наиболее отличившихся инженеров и рабочих-строителей. Пусть те, кто будет пользоваться результатами их труда, вспоминают и о самих творцах.

Т. МОЛДАВЕР,
инженер

г. НЕРДСК,
Новосибирской области

От редакции. Стрелы строительных башенных кранов стали сейчас, пожалуй, самой характерной чертой городского пейзажа. Действительно, облик наших городов меняется не по дням, а по часам. Там, где были запущенные пустыри, — теперь кварталы жилых домов, через реки перекинулись новые мосты, на месте кривых улочек возникли широкие проспекты.

Любой москвич с восхищением расскажет приезжему о высотном здании университета на Ленинских горах, о новых станциях метро, о Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках. Но спросите, кто авторы этих сооружений, и вы вряд ли получите ответ.

На многих зданиях, построенных в дореволюционное время, прикреплены мемориальные доски с фамилиями архитекторов и инженеров. Почему бы не возродить хорошую традицию? Не в первый раз поднимается этот вопрос в печати, но новостройки по-прежнему остаются «анонимными».

Михайло СТЕЛЬМАХ

ЛЕТО

Известный украинский писатель, автор романов «Большая родня» и «Кровь людская — не водица» Михаил Афанасьевич Стельмах недавно закончил новое произведение — роман «Хлеб и соль».

События романа «Кровь людская — не водица» как бы предшествуют событиям, описанным в «Большой родне». Точно так же новое произведение М. Стельмаха, хотя в нем действуют другие герои, предваряет то, о чем было рассказано в романе «Кровь людская — не водица».

В романе «Хлеб и соль» показано украинское подольское село накануне и во время первой русской революции. Эпиграфом к роману писатель взял народное выражение: «Самое дорогое для человека — хлеб, соль и честь». С этим выражением перекликается и название романа.

Сегодня мы печатаем отрывок из «Хлеба и соли».

БОГ, когда создавал землю, забыл о мужике и обидел весь хлеборобский род. Даже черт, на что уж нечистая сила, а изловчился украсть у бога земли и спрятать во рту: когда же она там начала разрастаться, выплюнул ее и кругом наделал себе всяческих бугров, холмов и гор. А мужику и этого неудобья не досталось от бога: за каждую лысинку земли он платит деньгами, потом и тяжким трудом, своим и своих детей, рожденных, нерожденных и даже тех, что никогда не родятся, потому что их еще в чреве матери придавила работою земля. И все равно мужик несет в праздник богу свою молитву и свечечку, хотя и знает, что спаситель уже не будет заново распределять наделы земли.

Обидел бог мужика и тогда, когда создавал день и ночь. Панам что — они и днем продлевают летнюю ночь, а мужик днем работает, как скотина, а потом гонит на ночь скотину пастись, хорошо, если б свою. И вот, даже и при таких делах, мужик хочет обдурить и ночь, и хозяина, и скотину, только не себя, ведь он, мужик, разумный — дальше некуда.

Так делает теперь и Давыд Левенец. Днем накосился он всласть, вечером погнал волов хозяина своего Плачинды на перелог, опутал их, словно коней, а сам с налыгачем подался в лес, где лежат его уже очищенные от коры деревья на хату. Тут он обеспокоенно пересчитывает глазами и руками бревна — не украл ли какой-нибудь злой дух, — а потом заарканивает налыгачем березу, плюет на руки и тянет ее к сгорбившейся хатенке тетки Василины. Хорошо, что от хатенки до леса не больше версты с гаком и хорошо, что ночью бог сеет росами: все легче человеку тянуть дерево домой, только страх берет — не вскочили бы волы Плачинды в беду. Тогда, пусть оно горит, заработает Давыд своим перевозом, как еврей Берко на перце. И у мужика даже за такой работой еще хватает силы поиздеваться над собой.

Сегодня бревно почему-то казалось особенно тяжелым, и Давыд уже с полдороги слышал, как у него звенело под коленками. И это — на росе, а что будет на пыльной улице? Мужик остановился, бросил налыгач, как бы удивляясь себе, подсвистнул, и, пусть оно горит, сел на бревно — разве ж он не может по-пански поросшествовать ночью? Вот на зло Плачинде — и звездами полюбуется, и на месяц насмотрится, и перепелки наслушается. А она ж, лукавая, будто знает, что ему спать хочется, так и зовет, так и манит: «Спать пойдем, спать пойдем». Давыд, отгоняя сон, крутит головой и улыбается невидимой птичке, что шуршит крылышками в молодой ржи. До чего ж славная птица — перепелка. Так и кажется, что своим «спать пойдем» жалеет она истомленного хлебороба. И больше всего любит она рожь, — выходит, есть в ней что-то от мужицкой породы...

Через какую-то минуту Давыду кажется, что месяц вдруг раздвоился, а звезды стали подпрыгивать, будто золотая мошка. Вот и любуйся ими, если даже они смеются над человеком. Давыд, потягиваясь, поднимается с бревна, и природа сразу становится на свое место, и уже только один, нераздвоенный, месяц смотрит, как человек впрягается в петлю и, пригибаясь, так тянет бревно, что оно начинает дребезжать с тонкого конца. Вот, смотри, еще ночей восемнадцать потрудится человек — и вся хата будет лежать возле погребочка тетки Василины. А дубовые кряжи он уже перевез — на них собственной силы не хватило. Где-то на Михайлов день и влезет человек в свое жилище. А до этого времени, может, и панскую землю начнут делить: весь люд этим живет. Тогда и он, пусть оно горит, хозяином станет!.. Неожиданно мужика, будто кипяток, ошпаривают слова:

— Давыд, ты что делаешь?

Мужик, сердясь, снимает с себя петлю, выпрямляется, повертывается лицом к Якову Плачинде, — носят же его черти в такую пору, — и начинает невинно смеяться:

— Что я делаю, спрашиваете? Силу пробую, Яков Дорофеич, пусть оно горит...

— Силу пробуешь? На бревне? Ничего не понимаю: либо я дурак, либо ты дурак, — удивляется, настораживается затененное и будто опечаленное лицо учителя.

— А что же тут понимать? — посмеивается Давыд. — На чем же у нас простые люди силу вымеряют? На каменном жернове — поднимают его перед собой на мельнице или возле ветряка, а то вола поднимают плечами, чтобы повис в воздухе. А я побился об заклад с парубками, что притяну из лесу бревно. Оно, конечно, глупое дело заклад, но не ломать же слова...

— И это ты из самого леса тянешь такое несчастье? — ужасается Яков.

— Да уж не с луга.

— И не боишься надорваться?

— А чего бы это мне надрываться от одного бревна? — и, хитря, сам будто удивляется Давыд, не станет же он выбалтывать, что уже чуть не полхаты лежит на затравевшем дворе тетки Василины.

— Выкинь, Давыд, эти глупости из головы, а то такое наживешь, что всю жизнь будешь ходить раскорякой, — насупливается Яков. — Сейчас же плюнь на это безрассудство, — ударяет он арапником по бревну.

— Эге, так и брошу! — упорно отвечает мужик. — Вы еще меня не знаете.

— Вот скажу Ульяне, чтобы хоть попилила тебя...

— Не попилит — она у меня спокойная, как травинка.

— Славно живешь с нею? — добреет лицо Плачинды.

— Да не буду бога гневить.

— А на кого же ты наш скот оставил?

— Пастухи ночные присматривают, — даже не моргнув, обманывает Плачинду мужик.

— Брось, Давыд, эту дурную забаву и мигом к пастухам! — Яков двинул уздечкой, и конь понес его в село, а Давыд, посмеиваясь, что так обдурил хозяйского сына, снова, пусть оно горит, влазит в сырую от росы и пота петлю и так тянет свою забаву, что даже покряхтывает.

И снова перепелка отозвалась во ржи: «Спать пойдем, спать пойдем». Вот так и Ульяна говорит, когда Давыд приходит к теткиной хатке. И от одного воспоминания об Ульяне веселеют и душа его, и тело. Послал же бог ему жену, как хорошую погоду: и работать хорошо с нею, и петь, а миловаться еще лучше. И до сих пор даже нацеловаться не может Давыд, и до сих пор иногда не верится, что Ульяна совсем, ну совсем-совсем его. Вот поднимет он хату, перекопает-осушит болотину, вырастит из телочки корову, а может, еще из панских угодий ему что-то перепадет и смотри, тоже заживет он не хуже других людей. Жаль только, что летом ночи уж очень короткие — ни выспаться, ни наработаться для себя. Еще ладно, что Ульяна теперь может хоть немного больше поспать: все-таки работает она в экономии только до сумерек.

Когда он, облитый потом, втягивает бревно во двор, из хаты в одной сорочке выходит Ульяна. Она теплыми, родными руками, которые пахнут ржаным хлебом и свежим сеном, обтирает мужу пот со лба и грустно покачивает головой:

— Ой, Давыд, и до каких пор будешь ты так тяжко мучиться? Лучше б наняли волов.

— Эге, нанять-то не штука, а чем потом за хату платить? — он кладет руку на ее плечо, такое круглое, такое привлекательное, что так и хочется склониться на него.

— Может, как-нибудь выкрутимся...

— И крутиться нужно с толком, — он прижимает к себе жену и садится с нею на завалинку, заглядывает в очи. — Какая ты славная Ульяна, при месяце, конечно...

— Ну, что ты выдумываешь? — И до сих пор смущается от его слов жена, а в пухлых уголках ее губ спокойно трепещет счастливая улыбка.

— Убей меня крест, славная. И ноженьки славные у тебя. — касается руками ее ног. — И колена. — Он целует ее в прорезь сорочки и опускает отяжелевшую голову на женкины колена: разве ж не может пороскошествовать человек? — Тебе не тяжело?

— Нет. Может, поспишь немного, Давыдушка? — Она вплетает руку в его совсем смоковий чуб. — Поспи, милый.

— Эх, если б не скот, пусть оно горит!.. Ульяна, а ты меня любишь?

— Ой, Давыдушка, ты как маленький...

Муж улыбается:

— Маленький, жинка, не спрашивал бы такого. Любишь? Говори, как на духу, а то я ревнивый.

— Очень! — с чувством и улыбкой говорит молодайка и все еще удивляется, где и откуда берется эта нежность у ее насмешливого Давыда. — Очень люблю.

— А я тебя, Ульяна, так себе.

— Ты, Давыд, ей-богу, болтун, — играет очами Ульяна.

— Уж какой ни есть, а тебе понравился, — он наклоняет к себе жену и снова целует ее в прорезь сорочки. — Какая ты хорошая вся. Вот, если б мог, и не отходил бы от тебя. Топтался бы и топтался перед твоими глазами.

— Правда, любимый?

— Правда, убей меня крест, — он хочет еще прижать к себе жену, но отяжелевшие руки сами сползают с ее стана, и Ульяна видит на ладонях огромные, как фасолины, мозоли. Она наклоняется к мужу, целует его в брови, а он почему-то бормочет: «Пусть оно горит».

Это уже сквозь сплющенные глаза Давыд видит, как перед ним золотою мошкой роятся звезды, как раздваивается месяц и падает прямо на землю перед спутанными волами Плачинды.

***

Летом и солнце живет, как поденщица: встает раненько, по росе, а ложится поздно. Но еще позднее ложатся девчата, ведь как ни устанут за целый день, а нужно, хоть украдкой, постоять под звездами, подумать под ними про свою долю и, может быть, немножко-немножко поговорить с кем-то.

Разве ж не слышит теперь Алена, кто воркует с ее Христиной? И не на воротах, как прежде Левко Щербина, а в таком закутке, чтоб никто не увидел. И Алена делает вид, что ничего не замечает, даже не видит, как Христинка, сдерживаясь и не умея сдержаться, несет трепетное счастье в очах и на нижней губе, как улыбается сама себе и даже, вспомнив что-то, посмеивается... Закрутил-таки ей голову Юрко Звонарь, а теперь уже и Левко Щербина по-настоящему увязался. Вот и разберись, девчина, где твоя доля? У Юрка, как будто, есть любовь, а у Левка до этого времени не было ее, но ведь у него земли-то побольше.

Мать задумчиво подходит к топчану, сначала смотрит на лицо, а потом на раскрытые ноги дочки, поцарапанные до самых колен. И жалко будить, а нужно.

— Христинка, вставай!

Сначала задрожали длинные девичьи ресницы и испуг забился под темноватыми веками, а потом по щекам, изменяя их, побежала легонькая улыбка.

— Это вы, мамо?

— А ты думала кто? Приснилось что-то беспутное?

— О, нужно оно мне, как же! — Она быстренько вскакивает на ноги, рукою поправляет разметанную косу и незаметно следит за матерью. «Чего-то они, мамо, теперь вьедаться стали. Не догадываются ли о чем?» И Христинке даже со сна становится холодно при мысли, что мать что-то знает про ее любовь. Хоть и придется ей когда-нибудь узнать про это, но пусть узнает она позднее, позднее.

— Куда сегодня идете работать? — Мать режет, притиснув к груди, зачерствелую, скрипучую хлебину и ставит на стол кувшин с молоком, которое пенится и попискивает, будто живое.

— Идем сено копнить, — Христина одевается и начинает тихонько напевать:

А я сіно громадила,
Сім пар хлопців принадила...

— Не много ли, девка? — Мать снова говорит так, что в душе Христины начинают шевелиться разные догадки, она задумывается, морщит невысокий лоб и обеспокоенный носик. А матери хоть бы что: кинула ей в грудь уголек, будто ненароком, и возится возле припечка, готовит дочке какой ни на есть полдник. «Хитрят или не хитрят мамо?»

С граблями на плече и узелком в руке Христина устремляется на улицу, и на девичьей гру-

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Обложка книги работы художника А. Кадушкина.

К СОРОКАЛЕТИЮ ВЛКСМ

Как только вы входите в Детгиз, в глаза бросается огромный плакат с надписью: «Эти книги—под комсомольский контроль!» На плакате — тридцать наименований, и против каждого — соответствующая отметка: «Сигнал», «Верстка», «Гранки», «Сверка», «Иллюстрирование»... Перед вами график прохождения в производстве книг, выпускаемых к сорокалетию Ленинского комсомола. Есть тут и переиздания — «Как закалялась сталь» Н. Островского в новом оформлении художника Е. Кибрика, «Стожары» А. Мусатова, «Отцовская куртка» В. Осеевой и другие. Но есть и новые книги. Это в первую очередь сборники. В их числе — «Мы—молодая гвардия», включающий рассказы советских писателей разных поколений, от Островского, Фадеева и Шолохова до молодых литераторов; рассказы посвящены комсомольцам — участникам гражданской войны, строительства первых пятилеток, Великой Отечественной войны, их трудовым подвигам в послевоенные годы на больших стройках, на целине. Сборник «Советской страны пионер» включает избранные произведения о советских детях, о том, как разнообразна, ярка и богата их жизнь. Из невыдуманных рассказов о благородных поступках детей в наши дни составлен сборник «Так поступают пионеры». Издательство выпускает несколько новых повестей: А. Кузнецова «Продолжение легенды», В. Туренской «Девятая», Н. Вирты «Мой помощник Карсыбек» — о детях на целине, С. Бабаевского «Сухая Буйвола», В. Тугановой «Мы живем в тундре», Е. Рязановой «На пороге юности» и другие.

ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Эстонское государственное издательство увеличивает выпуск литературы для юных читателей. В нынешнем году будет издано около 60 книг для детей тиражом, превышающим миллион экземпляров. Третий год выходит серия «Приключения на суше и на море». Ребята уже познакомились с повестью Э. Рауда «Нержавеющая сабля» — о жизни школьников в буржуазной Эстонии, с повестью Х. Лайпайк об эстонской девочке Катрин и ее эвенкской подруге Тынет. В производстве—новые стихи поэта М. Кесамаа, завоевавшего широкую популярность среди детей, «Песни о степи»; в них автор рассказывает о том, что он видел на целине во время своей поездки в Казахстан. Для маленьких читателей вышла недавно книга молодой эстонской писательницы Х. Мянд «Праздник во время дождя».

Иллюстрация к книге А. Кузнецова «Продолжение легенды» работы художника А. Шульца.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Детгиз

Алексеев С. История крепостного мальчика. Повесть. Для младшего возраста. Рисунки Ю. Соостера. 64 стр. 30 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Брушгейн А. В рассветный час. Повесть. 2-я книга трилогии «Дорога уходит в даль...». Для среднего и старшего возраста. 136 стр. (Новинки детской литературы). 165 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Гумиловский Л. С востока свет! (Об А. М. Бутлерове). Для старшего возраста. Рисунки Ю. Казмичова. 248 стр. 30 000 экз. 6 руб. 30 коп.

Донченко О. Повесть о новом доме. Перевод с украинского М. Мусиенко. Для старшего возраста. Рисунки Б. Коржевского. 144 стр. 30 000 экз. 3 руб. 65 коп.

Кассиль Л. Люди нового века. Воспоминания о встречах с выдающимися советскими людьми. Для старшего возраста. 32 стр. 80 000 экз. 50 коп.

Леон М.-Т. Сид Воитель. Повесть. Для среднего и старшего возраста. Авторизованный перевод с испанского И. Тыняновой. Предисловие Ф. Кельина. Гравюры на дереве Ф. Константинова. 126 стр. 30 000 экз. 4 руб. 30 коп.

Макаренко Я. Всадник, скачущий к солнцу. Монгольские очерки. Для старшего возраста. 166 стр. 30 000 экз. 6 руб. 25 коп.

Могилевская С. Марка страны Гонделупы. Повесть. Для младшего возраста. Рисунки К. Клементьевой. 192 стр. 100 000 экз. 4 руб. 80 коп.

Печерский Н. Генка Пымов — первый житель Братска. Повесть. Для среднего возраста. Рисунки А. Тамбовкина. 206 стр. 90 000 экз. 5 руб. 20 коп.

Цыбизов В. Необычайные происшествия в Пеньках. Повесть. Для среднего возраста. Рисунки С. Бродского. 256 стр. 30 000 экз. 4 руб. 30 коп.

50-летие Якова Баша

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ Украины отмечает юбилей писателя, чье творчество, как и жизненный путь, тесно связано с героической эпопеей Днепростроя. На строительство Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина пришел в 1927 году Яков Баш работать плотником. Здесь в начале тридцатых годов он написал свои первые очерки и рассказы, отсюда с путевкой на учебу и специальной стипендией, которой будущий писатель был премирован в 1932 году, он уезжает учиться в университет. И еще много лет спустя тема днепростроевцев будет волновать писателя, находя свое отражение в его творчестве.

Президиум Союза писателей Украины направил юбиляру поздравление, в котором говорится: «Писатели Советской Украины сердечно поздравляют Вас, выдающегося мастера слова и пламенного патриота, с 50-летием со дня рождения. Ваша плодотворная литературная деятельность — от сборника очерков «Время горит» и до романов и пьес «Горячие чувства», «Профессор Буйко», «Днепровские зори», в которых Вы воспеваете величие дел советских людей, их трудовой героизм и ратные подвиги, — известна советским читателям, пользуется широкой популярностью, заслуженной любовью».

В адрес Я. Баша поступило большое количество приветствий со всех концов Украины

КИЕВ. (Наш корр.)

Юбилей писателя-краеведа

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ гор. Шадринска отметила 70-летие известного уральского краеведа и писателя Владимира Павловича Бирюкова.

Неутомимый собиратель народного творчества, вдумчивый исследователь истории родного края пользуется широкой известностью и уважением не только на Урале, но и за его пределами. Об этом свидетельствует, в частности, поток поздравительных телеграмм, полученных юбиляром в эти дни.

Оценка труда В. П. Бирюкова дана в поздравительных телеграммах правления Союза писателей СССР и Оргкомитета Союза писателей Российской Федерации. Приятным подарком к юбилею явилась брошюра Д. Панова «Уральский краевед и писатель Владимир Павлович Бирюков», изданная Шадринским педагогическим институтом. В ней показан путь Бирюкова, дана характеристика собранных им материалов, представляющих большую научную ценность.

ШАДРИНСК. (Наш корр).

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР...

«В ПОИСКАХ ФОРМЫ»

МЫ слишком много ведем разговоров о поиске все новых и новых форм работы с творческой молодежью и подчас забываем уже давно известные, хорошо опробованные формы этой работы, не заботимся об их совершенствовании. Слабо помогают молодым писателям в редакциях литературно-художественных органов, без должного руководства остаются многочисленные литературные объединения. Нет до сих пор журнала «Литературная учеба». Мало что сделано для практической помощи авторам, пишущим воспоминания, мемуары, — старым большевикам, участникам революции. Недостаточно способствуют творческому росту молодых авторов наши литературные консультации... Разговор об этом приобретает особую важность в канун Третьего писательского съезда, когда проблема воспитания творческой молодежи стала в центр внимания всей литературной общественности.

Таковы основные положения статьи писателя Ник. Равича «В поисках формы», опубликованной в № 70 «Литературной газеты» под рубрикой «Предсъездовская трибуна». Статья нашла живой отклик у читателей. «Она важна тем, — пишет работник областной газеты, член литературного объединения **В. Ерашов** (гор. Гвардейск, Калининградской области), — что подходит к проблеме конкретно, выдвигает полезные и, несомненно, вполне осуществимые предложения». Его мысль продолжает **В. Бугров** со ст. Потьма, Мордовской АССР: «Все, что связано с работой литконсультации при Союзе писателей СССР, с выпуском «Литературной учебы», требует не дебатов, а скорейшего решения. Требует с е г о д н я, а не когда-либо...»

Что же все-таки мешает выходу журнала «Литературная учеба»? — этот вопрос, судя по письмам, волнует очень многих читателей, и они, естественно, ждут ответа на него от руководителей Союза писателей. «Добивайтесь его издания!» — требует москвич **П. Лебеденко**, член литературного объединения при ЦДСА, и приводит в пользу журнала ряд веских доводов: журнал введет в русло серьезной работы огромную армию начинающих литераторов, даст хорошую основу для «заочного» самообразования пишущих, его выпуск, наконец, будет исполнением одного из заветов М. Горького, с именем которого связана идея создания «Литературной учебы». «Журнал поможет разобраться в наших творческих спорах, в вопросах теории, которые начинающим порой представляются туманными и чрезвычайно сложными, завяжет обмен опытом, наладит непосредственную связь между «маститыми» и молодыми. Не откладывайте этого дела в долгий ящик. Очень и очень прошу об этом!» — говорит **О. Байгулова** из Алма-Аты. Примерно то же пишет **Г. Исаков** из пос. Печенга, Мурманской области.

Литературная консультация при Союзе писателей, предлагает москвичка **Л. Жигалина**, должна взять на себя главную инициативу создания журнала, а когда он начнет выходить, — стать его душой и первым помощником. «Это забота именно литературной консультации: где-где, а уж там должны знать, как нелегко сейчас приходится тому, кто решил изучать теорию литературы самостоятельно: нужных книг чрезвычайно мало, статьи в помощь начинающим в журналах почти не печатаются, знания приходится собирать по строчкам, рыться в старой литературе, иногда довольно-таки случайной, в школьных учебниках...»

«Пора перестроить работу литературных консультаций при газетах, — пишет **И. Ляхов** из г. Бикин, Хабаровского края, — в корне сломать систему казенных, обтекаемых ответов из редакций, по которым совершенно невозможно судить: есть ли у тебя способности или нет, стоит ли тебе заниматься литературным творчеством вообще. Можно ли терпеть бюрократизм в этом живом, творческом деле!»

Одна из мыслей статьи Н. Равича (о том, кого считать молодым писателем) неожиданно оказалась чуть ли не главной в ряде читательских писем: **М. Поповой** из Москвы, **О. Кравцовой** из Липецка, **М. Горовиц** из Челябинска и других. «Нельзя устанавливать «возрастной ценз» для начинающих,— настаивает Горовиц. — Лишь гений показывает свои великие таланты с детства, да и то не всегда. Начинающих надо замечать не только среди юношества, сошедшего со школьной скамьи или отслужившего службу в армии. Ведь самое важное для литератора — это жизненный опыт...»

С требованием организовать действенную помощь бывалым людям, взявшимся за перо, упорядочить систему работы с ними обращается в газету **К. Торжинский** из Одессы — сам автор мемуарной рукописи, в которой отражены события трех русских революций...

Нужно сказать, что в поисках верных решений отдельные читатели слишком увлекаются всякого рода «прожектами» (хорошо бы, дескать, организовать специальную газету для произведений начинающих, или не платить гонорар за книги молодых — «бесплатно, только бы напечатали!», или даже, как предлагает **Г. Галахов** из Красноярского края, выпускать книжки на средства самого автора)— «прожектами», которые, по сути дела, вступают в противоречие с основной идеей статьи Н. Равича: довольно фантазировать вокруг «форм», надо по-хозяйски использовать опыт воспитания молодых, который накопился у советской литературы за многие годы.

Большое и содержательное письмо **Н. Альвы** из Ленинграда как бы подводит некоторые итоги читательскому разговору: не надо думать, что молодые литераторы требуют какой-то особой скидки, снисходительности к себе. Только строгая, но справедливая критика со стороны опытных писателей, литконсультантов, рецензентов, только предметная, систематическая работа по выявлению подлинно талантливых людей по-настоящему поможет начинающим. Но именно этим-то у нас занимаются еще слабо. Равнодушия, невнимания к молодым — вот чего мы не должны допускать здесь ни в какой мере, ни в какой «форме»!

ОБ ОШИБОЧНЫХ ВЗГЛЯДАХ ГЕОРГА ЛУКАЧА

Я. ЭЛЬСБЕРГ

ВАЖНЫМ условием успешного развития нашего литературоведения и критики, и прежде всего разработки ими теоретических вопросов, является принципиальное, последовательное и доказательное опровержение неверных концепций в области литературной науки.

Злободневное значение приобрела сейчас критика ошибочных воззрений Георга Лукача. Этот известный философ и литературовед длительное время работал в СССР и играл очень значительную роль в той литературной группе, которая во многом определяла линию журнала «Литературный критик». В 30-х годах, как известно, литературно-эстетические взгляды Лукача и поддерживавших его некоторых других сотрудников этого журнала подверглись серьезной критике, причем в центре споров стоял вопрос о мировоззрении и творчестве писателя.

В послевоенные годы деятельность Лукача развернулась за рубежом и притом широко: он выпустил целый ряд книг по философии, эстетике и литературоведению и приобрел значительный авторитет в ГДР и Венгрии. Однако грубейшие политические ошибки, допущенные им в период контрреволюционного мятежа в Венгрии, заставили венгерских и немецких товарищей по-новому взглянуть и на теоретические работы Лукача.

Выступления Иожефа Сигети, Элемера Балог, Ганса Кох, Вилли Бределя, Иоганны Рудольф, Александра Абуш, Волфганга Гейзе и других, имевшие место в 1957—1958 годах, несомненно, сыграли положительную роль и во многом прояснили вопрос. Но специальный и детальный анализ литературно-эстетических воззрений Лукача еще впереди.

Мы же сейчас остановимся главным образом на двух последних из известных нам работ Лукача. Речь идет, во-первых, о статье «К вопросу о конкретизации особенного, как категории эстетики», появившейся в № 4 выходящего в ГДР журнала «Дейче Цейтшрифт фюр философиэ» за 1956 год, и, во-вторых, о работе «Критический реализм в социалистическом обществе», напечатанной в № 3 польского журнала «Студиа филозофичне» за 1957 год. Эти выступления проливают на теоретические позиции Лукача в области литературы совершенно ясный свет.

НЕОБХОДИМО оговориться, что в последней из названных статей содержится ряд выдержанных в духе современного ревизионизма клеветнических выпадов против государственного и экономического строя Советского Союза. Опровергать сейчас эти измышления Г. Лукача явно излишне. Его взгляды были беспощадно разбиты самой жизнью. Его самого они привели к политическому краху. Как показал в своей статье Иожеф Сигети, в самый разгар контрреволюции, 31 октября 1956 года, Лукач приветствовал «демократию» (?!), при которой «могут проявиться всемирные традиции мадьярства», он был из тех, кто наиболее решительно требовал роспуска Венгерской партии трудящихся.

Таким образом, сама история, сама действительность показали, что Лукач не был в состоянии разобраться, «правая, левая где сторона». Но как потерпевший крах политический деятель, он интересует нас сейчас лишь постольку, поскольку его политические ревизионистские, капитулянтские воззрения не могли не получить отражения в его литературно-эстетических концепциях.

Прежде всего о проблеме мировоззрения писателя. Лукач издавна и многократно высказывал свое убеждение в том, что политические, философские взгляды писателя имеют для его художественного творчества второстепенное значение. Именно писатель-реалист способен-де творить «вопреки» своему осознанному мировоззрению, ибо в силу самого своего таланта и природы искусства он правдиво изображает жизнь. Лукач сводит мировоззрение писателя исключительно к его теоретическим взглядам, страшно обедняя тем самым представление о художественном мышлении, об осознанности и сложности последнего, о его внутренних противоречиях.

Мне приходилось уже отмечать («Вопросы литературы», 1958, № 4), что такая постановка вопроса ведет к игнорированию и творческого метода писателя. Художественное творчество превращается таким путем в автоматически бессознательное, независимое от классовой и идейной борьбы воспроизведение действительности, являющееся результатом диктата последней. Это — объективистское искажение ленинской теории отражения.

В статье «К вопросу о конкретизации особенного, как категории эстетики» Лукач пытается дать обобщающее и, добавим, весьма далеко идущее обоснование такой своей позиции. Оказывается, что «творческая субъективность ни в коем случае не может быть просто идентичной с непосредственной субъективностью соответствующих индивидуальностей». Лукач все время подчеркивает противоречие между «эстетически существенной» и «непосредственно частной личностью художника». По его мнению, в творчестве происходит «возвышение творческой личности из частной единичности». На этом основании Лукач приходит к выводу, что результат творческого процесса «может быть художественно зафиксирован в произведении в **противоречии с предрассудками и даже мировоззерцанием художника**» (подчеркнуто мной. — Я. Э.).

Противопоставление художника — человеку и мыслителю, создателя художественных ценностей — активному участнику идейной и общественной борьбы, поэта — гражданину — таков смысл этой реакционной концепции.

Конечно, противоречия между «частной» биографией писателя и тем обликом художника, который встает перед нами в его творчестве, принимают порой резкий характер даже у лириков. Вспомним, например, Фета. Но разве позволительно такие противоречия превращать в закон?

Наоборот, писатели, вдохновленные передовыми идеями, именно в единстве своей человеческой сущности и творческой мощи видели залог собственной внутренней морально-художественной цельности, а потому и своего действенного влияния на читателя, на жизнь. Именно это живое единство, больше того, нераздельность, потрясает нас с особенной силой у Пушкина, Лермонтова, Герцена, Щедрина, Горького, Маяковского (если ограничиться только русской литературой). И разве не в этом источник того особенного, хочется сказать, интимного, чувства близости, любви, которое наш читатель испытывает к Шолохову и Твардовскому?

Мудрость и сила одного из гениальнейших художественных творений, когда-либо созданных в мировой литературе, — горьковских воспоминаний о Толстом — и заключаются в том, что здесь создатель «Войны и мира» встает перед нами именно как личность в своем истинном **человеческом** величии. «Этот человек—богоподобен!» — восклицал Горький, а читатель узнавал и верил: да, эти руки, этот ум с его «суровой прямотою мысли», это богатство и многообразие чувств, эта духовная мощь и связь с жизнью народа создали художественный мир, поразивший все человечество!

Лукач же, до обидного опошляющий представление о передовом писателе, всего лишь перепевает ветхие буржуазные теории. Впрочем, это участь всех ревизионистских концепций...

Еще Кроче в своей интуитивистской эстетике различал «поэтическую личность» и писателя, как историческую фигуру. По этому же пути сейчас идет ряд представителей буржуазного литературоведения. Так, Вольфганг Кайзер в своей книге «Словесное произведение искусства» почти в тех же выражениях, что и Лукач, заявляет, что «человеческая личность не до конца идентична с творческой художественной личностью». Но Кайзер лучше, нежели Лукач, понимает логику этой мысли. Он не опасается обвинений в том, что такая постановка вопроса вводит в литературную науку нечто иррациональное. Кайзер прямо говорит, что «поэзия и поэтическое творчество сами возвышаются до иррационального...»

Это звучит убийственно для Лукача, чья критика явно ошибочного, узко и мелко-биографического подхода к изучению литературного творчества сама перерастает в не менее ошибочную попытку оторвать писателя от классовой, идейной борьбы эпохи, лишить его осознанных устремлений и глубокого мировоззрения, превратить в медиум, пассивно воспринимающий веления действительности... Сопоставление с Кайзером поучительно еще в одном отношении: оно показывает, что объективизм, вообще говоря, характерный для воззрений Лукача, способен на деле оказаться в родственных отношениях с субъективизмом, антиподом которого он претендует быть.

Отрицание Лукачем значения мировоззрения писателя для его художественного творчества наглядно отражается в следующем его утверждении, содержащемся в одной статье 1951 года: «Тот, кто способен направлять развитие собственных образов, не может быть подлинным реалистом, значительным писателем» («Бальзак и французский реализм»).

Действительно, в реализме мы наблюдаем чрезвычайно интересное явление, которое в известном смысле может быть определено как «саморазвитие» характеров. Ряд великих реалистов заявлял о том, что им далеко не всегда удавалось заранее определить будущий путь своих героев. Жизненная сила и правдивость этих образов были таковы, что как бы придавали им способность развиваться «самим», в соответствии с их внутренней логикой. Известно, что Толстой писал Страхову: «Совершенно для меня неожиданно, но несомненно, Вронский стал стрелять ся». Нельзя, однако, понимать эти слова буквально. Вронский стал стрелять ся «неожиданно», но заставил его стреляться Толстой. Татьяна «выскочила» замуж, но выдал ее замуж Пушкин.

Вронский, так сказать, «подсказывал» свою судьбу Толстому, но «услышать» его, «понять», а главное, художественно воплотить логику этого характера, направляя его развитие, мог лишь Толстой. Когда мы сравниваем варианты «Анны Карениной» с окончательным текстом, то мы уясняем себе, как настойчиво и, конечно, сознательно Толстой углублял психологическое обоснование поступка Вронского. Утверждать же, что писатель, вовсе не в состоянии направлять развитие своих образов, означает идти на серьезную уступку иррационалистическим концепциям. К тому же «неожиданность» действий Вронского отнюдь не является каким-то законом, обязательным для всех героев Толстого. Гибель Анны Карениной была предуказана в первоначальном плане романа.

ТАКОЕ решение проблемы мировоззрения, естественно, накладывает свой отпечаток и на трактовку Лукачем вопроса о партийности. Критерий, с которым он подходит к партийности в искусстве, определяется им следующим образом: «Для нас дело заключается исключительно в том, каково воплощенное художественными средствами отношение к изображаемому миру. Как сам художник себе это отношение к миру **представляет** — биографическое, а не эстетическое обстоятельство».

При этом Лукач ссылается на Флобера, утверждая, что теоретические взгляды последнего, ввиду их отсталости, не имеют значения для понимания его творчества, критической направленности последнего по отношению к буржуазному обществу. Но разве на самом деле эстетические воззрения Флобера не находились в сложном, хотя и противоречивом единстве с его творчеством? И разве в его письмах мы не находим много верных и глубоких мыслей, некоторые из которых, кстати сказать, попадают Лукачу не в бровь, а прямо в глаз? Ведь автор «Госпожи Бовари» заявлял: «А что такое художник, если не трижды мыслитель».

Пытаясь решить проблему на этом примере, Лукач обходит вопрос об исторических изменениях, которые претерпевает партийность в искусстве, а главное, — проблему **осознанной коммунистической** партийности литературы социалистического реализма.

В этом нет ничего случайного. Ибо для Лукача передовая мысль, марксистско-ленинская идеология не способны оказать какого-либо положительного влияния на художественное творчество. В работе, напечатанной в «Студиа филозофичне», он утверждает, что для верного понимания писателем действительности «само по себе усвоение марксизма (а тем более самое участие в социалистическом движении, самая принадлежность к партии и т. п.) ничего здесь еще не значит».

Конечно, ошибочны вульгаризаторские представления о том, что художественный образ представляет собой всего-навсего какую-то иллюстрацию к заданной и теоретически сформулированной идее. Художник —

(Окончание на 4-й стр.)

ди, словно на лугу, цветет и колышется мелкая вышивка.

«Невеста». Мать с порога смотрит на Христинку, вздыхает и улыбается, замечая, как снова веяние любви легко опускается на чуткое лицо ее единственной дочки. А что ей теперь? Только одно и вертится в голове, и уж, конечно, не задумывается дочка, что же будет дальше... За Левко лучше жилось бы: у него и земли больше, и кони сразу будут. Но что за чудной парубок? Столько времени ничего не говорил, все набирал себе цену, а теперь спохватился.

Мимо двора, тарахтя, проехала подвода. Возчик из экономии Евген Колосюк сдерживает занузданных коней, что-то кричит Христине, та озирается, быстренько вскакивает на воз, примащивается на крестовине и уже трясется на ней, как трясогузка. Вот некому бить шальную, — сорвется ведь, так и мелькнет, как галушка, на сухую дорогу. Алена хочет крикнуть, но понимает, что ее голос уже не долетит до Христины.

Улицей в шапках и соломенных шляпах прошли косари, от их трубок запахло табаком и трутом. И чего бы, казалось, печалиться, что улицей прошли косари?.. Да ее-то косарь не пройдет и не придет.., А приходил же в своей золотистой шляпе, как подсолнечник в цвету. Он и голову наклонял к ней, как подсолнечник. И молчал, как подсолнечник, только уж очень хорошо улыбался веселою теменью очей... Пусть бы уже скорее в какой-то день явился Христинин молодой... Тогда и в их хате запахло бы табаком и трутом...

Когда Христина пришла на панский луг, девчата и молодайки еще не работали: ждали, чтоб раннее солнце подобрало росу. А косари уже вели первый сегодняшний покос, и вокруг вкусно, как всегда в росное утро, шаржакали косы.

Впереди шел Марьян Поляруш. Перед ним с шипеньем и посвистом расступалась трава, а на гребне покоса трепетали и безутешно плакали последними слезами нежные, словно вытканные из неба колокольчики. Что-то привлекательное и красивое было в полусогнутой мощной фигуре косаря, в широких взмахах его косы, собиравшей у черенка росу, лепестки цветов и зеленую кровь травы.

— Доброе утро, дядечка! — остановилась Христина возле Марьяна, к которому относилась с большим доверием.

— А-а-а, это ты, баламутка?! — белозубо улыбнулся ей мужчина и оперся на косовище.

— Дядечка, а почему это я баламутка? — удивилась Христина и обиженно оттопырила нижнюю губу.

— А кто же у нас теперь хлопцев больше всех баламутит? — засмеялся Марьян.

— О, такое скажете, будто ничего лучшего нет... Нужны мне ваши хлопцы... — нахмурилась Христина и стала уминать ногою подрезанную шапку нарытой кротом земли.

— Может и не нужны, — согласился Марьян. — Может, не ты их баламутишь, а они сами из-за тебя баламутятся?

— Ну, кто там баламутится? И откуда же такое кто-то выковырял? — Христина обиженно смотрит на косаря невинными глазами, и ей становится страшно, что даже солидные люди доведались о том, с чем она скрывается ото всех. — Нет у кого-то работы, вот и чешет язык...

— Может и так, — снова соглашается Марьян. — А Левко грозится хорошенько пощекотать ребра Юрку Звонарю...

— На что хорошее, а уж на это у Левка разума хватит. Он еще и братьев своих подобьет. — И, чтобы как-то спихнуть такой неопределенный разговор на другую тропку, она тихонько спрашивает: — Дядечка, а у нас уже скоро будет забастовка?

— Ты смотри! И тебе забастовки захотелось? — удивляется Марьян и оглядывается назад.

— Эге ж, захотелось, — с лукавством покачивает головой Христинка и ни чуточки не смущается: разве ж она не знает, с кем теперь водится Марьян и о чем говорит с батраками.

— А ты не боишься, что за эту забастовку могут кое-кому отдубасить одно место?

— Ни чуточки не боюсь, — однако Христина невольно повернула голову и искоса глянула на свою юбку.

— Хм... — Марьян не знает, что сказать девчине. — Чего же ты хочешь от забастовки?

— О, чего хочу? Будто вы не знаете?

— Чего девчата хотят — не знаю.

— Чего и все: чтоб больше платили.

— А для чего тебе деньги?

— Лишь бы они только зазвенели: уж как-нибудь дала бы им толк, еще и мало оказалось бы...

— Я и не знал, что ты такая, — улыбается Марьян. — Что бы ты себе купила прежде всего?

— Что купила бы? Монисто, дядечка! — И не разберешь, шутит Христинка или серьезно говорит. — Монисто коралловое с монетками.

— Кому что! — безнадежно махнул рукой Марьян.

— А нам, дядечка, и это нужно: так славно, так славно в нем — идешь и позванивашь, — смешливо наморщила лицо Христина.— Так когда будет забастовка?

— Подожди немного, Христинка, подожди, — приветливо говорит Марьян и, заговорщицки кивнув головой, начинает точить косу, — его уже догоняют косари.

— Что ж, подожду. — Христина кланяется Марьяну и направляется к женщинам.

Слова девушки удивили и порадовали Марьяна, даже легче стало косить. Гляди, такое молоденькое, а и оно уже маракует что-то про забастовку. Что ж — вот и слухи про нарезку наделов сейчас словно из самой земли прорастают, как травы, как рожь. Такое время настало: и тяжелое, и полное надежд. Эгей, придется и тебе, пан, в какой-то день тряхнуть кошельком и, хочешь—не хочешь, немного рассупонить его. А то, смотри, придется и отрезать хоть окраины своей земли, чтоб и мужику можно было как-то на свете прожить.

Марьян невольно вспоминает свою полуразваленную хатенку, которую и до сих пор никто не купил у Плачинды, несмотря на то, что тот уже дважды сбивал на нее цену. И косарь мысленно благодарит неведомых людей, пожалевших его: он уверен, что только его горе удержало покупателей. Потому-то и стоит его халупка, обстеганная дождем и ветром, и сползает с нее размытая глина. Наклонилась теперь хатенка в печали, как человек без основы, и все кого-то выглядывает вынутыми очами. Может, и дождется она Марьяна, недаром же он притискивает каждую копейку к грошу, отрывая ото рта кусок хлеба.

К косарю, прямо по траве, вытаптывая ее, подъезжает эконом. Его потрескавшееся и скрепленное бородавками лицо собирает во все свои щели брезгливое недовольство:

— Э, Марьян, что я сегодня вижу?! — гарцует он возле косаря. — И ты уже машешь косой, лишь бы день прошел. С девчатами чего-то застаиваешься. Вот, оказывается, какого хваленого работника я имею. Может быть, перехвалили его?

Марьян поднимает собранный взгляд на эконома, видит, как у того, даже когда он смолк, покачиваются два мешочка подбородья, и с нажимом говорит:

— Кто же вас просил хвалить меня? Хвалите своих приспешников, которые возле вас днем и ночью увиваются. А я не требую и не хочу вашей похвалы!

— Тебя что — овод или сибирская муха укусила? — рассердился эконом, надвигая свою тень на Марьяна.

— Пусть она вас кусает! — грознеет взгляд у мужика. — И дождетесь — укусит!

— Тьфу на тебя и на твоего батька! Ты ему слово, а он тебе пять! И когда только научился так отбрехиваться? — эконом зло отъезжает, и его по-ужиному длинная тень, содрогаясь, темной полосой извивается на выкупанной солнцем траве. Если бы Марьян сказал такое год назад, то арапник уж потанцевал бы на его плечах, а теперь и эконом понимает: не следует дразнить дядьков, и так они стали словно осы.

— Поговорили, Марьян? — отзывается сзади меднолицый Лесь Якубенко и смеется.

— Как же. Наговорились, как меду наелись.

— Не сказал ему, чтоб он бросил в траву арапник и помахал косою?

— Настанет время и еще как придется ему махать, — обещает Марьян и пристально смотрит на свою косу, где в зеленоватой крови трав купаются выбитые слова: «Благослови, боже, царя и жатву»...

Марьян в который раз читает эти слова, но только сейчас хмуро вспоминает, как царь пулями благословил людей, которые шли к нему.

* * *

Пьянящий и пахучий полдень завис над лугами. Кажется, что кто-то развешал над землею невидимые облачки запахов, и среди них властно трепещет чебрецовый настой и нежный дух привялой земляники. Вокруг поднимаются копны, а девчата топчутся на них, как ансты, тугими, до крови расцарапанными ногами уминают сено. Вот уже и на икре у Христины ягодкою земляники задрожала кровь, возле нее закружил овод, а девчина знает свое: подхватывает, расправляет свежее сено и уминает его до боли в ступнях. А кровь тихонько опускается по ноге ниже и ниже, и ее присыпают меленькие зернышки трав. С копны девушке видно, как солнце накинуло сетку марева на Синяву, и потому кажется, что вместе с маревом трепещут и покачиваются леса. В их глубине работает Юрко. Вспоминает ли он ее, как она его? Христина улыбается и своим мыслям, и Синяве, откуда так нежданно, даже напугав ее, пришла любовь. И разве ж она виновата в этом?.. И хотя Юрко по вечерам врет, конечно, что она самая лучшая в мире, а слушать и такое хочется. О!

Еще несколько взмахов руками, и уже под небом зелено стоит ладненькая нарядная копешка. Тетка Василина подставляет девушке держало грабель, она хватается за него и соскакивает на землю.

— Спасибо, тетечка!

— Расти большая, — Василина опирается на грабли и видит, как вокруг заворошились и женщины, и косари.—Э, надсмотрщик уже дал сигнал на полдник.

— Вот и хорошо. Поедим вместе, — говорит Христина.

— Полдничай одна.

— А я хочу с вами. — Христина знает, почему боится с кем-либо полдничать тетка Василина: вместо хлеба у нее в узелке лежат черные блинцы, испеченные из какой-то зелени, а из какой — никому не ведомо. — У меня есть хлебец и масло, слышите, тетя! — прямо-таки умоляет девчина.

— А у меня есть первая картошечка, еще мелкая, правда, как бобы, — грустно говорит Василина, умалчивая про свои блинцы: думает, что никто ничего не знает.

— Вы вот тут посидите, отдохните, а я махну за своим узелком. — Христина стряхивает с платка травинки, низко повязывается, чтоб не так пеклось лицо, и, будто танцуя, идет на то место, которое утром еще красовалось разнотравьем.

Между привялыми валками травы Христина увидела ворону. Птица настойчиво клевала землю. «И что она там нашла?»—удивилась и остановилась девчина. Ворона мощным ударом до самых глаз загнала в землю толстый клюв, и возле него выскользнуло несколько шмелей.

«Вот вредная, она, верно, набрела на шмелиное гнездо и разоряет его». Христина крикнула и звонко ударила в ладоши. Ворона обеспокоенно поверкула к ней голову, зло посмотрела темным глазом, скакнула и подняла на черных крыльях свое тяжелое пепельного цвета тело. Девчина подбежала к тому месту, где разбойничал хищник, и в глубине, под сухой травиной, увидела краешек шмелиного гнезда. Оно, будто заплаканными глазами, смотрело на нее двумя большими сотами, из которых сочился мед.

Но не соты со слезинками меда поразили Христину. Она увидела, как по траве, возле своего жилища, тяжело прополз на подогнутых ножках шмель. Может быть, его подбила ворона, а может быть, так ударило горе, что он возле надломанных сот приник к земле, повернул голову набок, и, охватив ее двумя лапками, заныл, заплакал, как неутешное дитя. В рыдании дрожала и содрогалась его засмоленная голова, и светлая шейка, и сгорбленная, как у труженика, спина, и все обернутое желтогорячими перевязками тело.

К гнезду, не боясь девчины, стали с гудением слетаться другие шмели, а этот все тосковал шмелиною тоскою, в которой так много было от человеческого горя...

Перевел с украинского
П. НИКИТИЧ

УСТРАНИТЬ ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ!

Эта подборка была опубликована 22 июля на первой полосе английской буржуазной газеты «Дейли геральд» под заголовком «Почему мы ждем!» Подборка гласит:

«Мы заявляем:

Выскажитесь от имени Англии!

Британское общественное мнение всецело объединено в пользу скорейшего созыва совещания на высшем уровне с г-ном Хрущевым, для того чтобы попытаться устранить опасность на Среднем Востоке.

Каждый день колебаний — это праздник для русской пропаганды.

Мы говорим премьер-министру г-ну Гарольду Макмиллану: Англия надеется, что сегодня вы не будете больше проявлять колебаний, а объявите свое решение вступить в переговоры.

И мы не одни говорим это. Газеты, представляющие все точки зрения, пришли к тому же самому заключению. Вот что они заявили:

«ТАЙМС»

Самым худшим ответом (г-ну Хрущеву) был бы категорический отказ или ответ, в котором попытались бы прикрыть отказ ничего не значащими благочестивыми фразами и пустыми контрпредложениями...

Когда говорят, что такое совещание будет так или иначе способствовать проникновению России на Средний Восток, то на это можно ответить, что русское влияние уже и так возросло там.

«ДЕЙЛИ МЕЙЛ»

Нет никакого серьезного довода против скорейшего созыва совещания в верхах. Мы считаем, что оно должно быть созвано... Отказ мог бы иметь роковые последствия.

«ДЕЙЛИ ЭКСПРЕСС»

Правительства Англии и Соединенных Штатов подготавливают отказ. Подобная слепота опечалит и озадачит их самых верных сторонников. Ибо нет никаких серьезных оснований отвечать отказом на советское приглашение... Идея о том, что Объединенные Нации могут заменить переговоры в верхах, смехотворна.

«МАНЧЕСТЕР ГАРДИАН»

Предложенное совещание в верхах следует принять немедленно.

«ДЕЙЛИ МИРРОР»

Ответ Запада должен быть быстрым. Единственное слово «Да»... Ничего плохого не будет в том, чтобы переговоры состоялись на этой неделе. Во всяком случае это не будет хуже, чем последствия опрометчивой военной акции...

«НЬЮС КРОНИКЛ»

Конечно, ни одно правительство по обе стороны Атлантики не может всерьез думать об отказе на приглашение г-на Хрущева.

* *

«Вы знаете, г-н премьер-министр, чего хотят все оттенки английского общественного мнения. Выскажетесь ли вы сегодня от имени Британии?», — спрашивает в заключение подборки газета «Дейли геральд».

ГОЛОС АНГЛИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Эта подборка высказываний различных английских буржуазных газет была опубликована после послания Н. С. Хрущева премьер-министру Великобритании о созыве совещания в верхах в связи с вооруженной агрессией США и Англии на Среднем Востоке. Нельзя не согласиться с редакцией «Дейли геральд», считающей высказывания этих газет отражением общественного мнения страны.

Однако с тех пор позиция некоторых газет претерпела ряд изменений. Так, например, газета «Таймс» от 1 августа в редакционной статье расчаливает позицию оттяжек и проволочек в вопросе о созыве совещания на высшем уровне.

Однако английская общественность отнюдь не выражает восторга по поводу того, что западные державы сорвали совещание на высоком уровне для безотлагательного разрешения ближневосточного кризиса. Об этом можно судить по приведенным нами высказываниям.

Новые послания Н. С. Хрущева руководителям трех западных держав вселяют в сердца миллионов людей во всем мире надежду, что агрессию можно будет остановить. Идея созыва чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН—высокого форума, представляющего 81 большое и малое государство, — встретила горячий отклик в самых широких кругах общественности Англии. И это понятно. Организация Объединенных Наций может остановить руку агрессоров, потребовать немедленного вывода войск из Ливана и Иордании.

DAILY HERALD

WE SAY

Speak for Britain!

BRITISH public opinion is massively united in favour of a speedy summit conference with Mr. Khrushchev to try to remove the danger in the Middle East.

Every day of hesitation makes a feast for Russian propaganda.

We say to the Prime Minister, Mr. Harold Macmillan: Britain hopes that today you will hesitate no longer but announce a decision to talk.

And we are not alone in saying so. Newspapers representing all points of view have reached the same conclusion. Here's what they've said:

THE TIMES

Daily Mail

DAILY EXPRESS

Журналы — конференции в Ташкенте

— Каково содержание специального номера вашего журнала, выпускаемого к конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте? — с таким вопросом наш корреспондент обратился в редакции ряда московских журналов.

ШИРОКО ознакомить советского читателя с ходом подготовки к конференции, с творческими достижениями литератур Востока — такова сегодня задача журнала, — так начал беседу с нашим корреспондентом главный редактор журнала «Современный Восток» Б. Г. Гафуров.

С марта этого года в журнале появилась специальная рубрика «Навстречу конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте». Из номера в номер под этой рубрикой публикуются стихи, рассказы, отрывки из романов писателей стран Востока.

Сентябрьский номер журнала будет целиком посвящен конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Мыслями о предстоящей конференции поделятся с читателями Ш. Рашидов, Л. Никулин, Го Мо-жо, Гэ Бао-цюань, Назым Хикмет, Мулк Радж Ананд и другие представители советской и зарубежной литературы.

Литературно-критическая мысль Востока будет представлена в номере статьями о развитии реализма в Средней Азии, о Л. Толстом в современном Китае, о дружеских связях М. Горького с Индией. Последняя работа написана на основе новых, не публиковавшихся ранее материалов. В разделе критики выступят зарубежные писатели и литературоведы. Чень Чжоу-чен (КНР), Хотта Иосиэ (Япония), Райя (Индия), Ансари (Пакистан), Лобат Шейбани (Иран), Мавахиб аль-Каяли (ОАР) расскажут о развитии литературы в своих странах.

Журнал познакомит читателя с новыми именами в литературе народов Азии и Африки. Сембене Усман — молодой писатель Сенегала, в прошлом рабочий, автор популярного в Черной Африке романа «Страна моя, прекрасный мой народ!», посвященного борьбе африканцев за свои права и человеческое достоинство. Юсуф бен-аш-Шейх Якуб — автор коротких рассказов, талантливый представитель литературы Саудовской Аравии, где художественная проза делает первые шаги. Орхан Ханчерлиоглу — турецкий писатель, один из молодых прозаиков прогрессивного направления, недавно создавший остропамфлетный роман «Али», направленный против американского влияния в Турции.

Азербайджанский поэт Осман Сарывели прислал для журнала отрывок из своей новой поэмы «Братья». Поэма посвящена конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте. Читатель встретит в журнале и новые стихи Го Мо-жо, и отрывок из романа японского писателя Тацудзо Исикава «Слабый побег тростника», китайские, вьетнамские, малайские рассказы, новеллы, переведенные с языка хинди, стихи знаменитого иранского поэта Мохамеда Таги Бахара и поэтов Африки, песни «Поющих голосов Японии».

Немало страниц отводится современной литературе народов арабских стран, стоящих в первых рядах борьбы против империалистического гнета. «Современный Восток» публикует «Стихи в изгнании» виднейшего иракского поэта и борца за свободу своей родины Абд аль-Ваххаба аль-Баяти, рассказы писателей Объединенной Арабской Республики Юсуфа Идриса и Юсефа ас-Сибаи, отрывок из новой поэмы Абд ар-Рахмана эль-Хамиси, стихи и рассказы писателей Ливана, Алжира, Туниса, Иордании.

ГЛАВНЫЙ редактор журнала «Советская литература» Д. И. Еремин в беседе с нашим корреспондентом рассказал:

— Наш журнал, издающийся на пяти иностранных языках, предназначен для зарубежных читателей. Подготавливая специальный—восьмой — номер журнала, мы преследовали цель возможно шире представить нашим друзьям за рубежом литературу Советского Востока.

Номер открывается отрывком из поэмы Мирзо Турсун-заде «Голос Азии». К разноязыким народам земли обращается таджикский поэт со страстным словом о мире, с волнением говорит он о справедливой борьбе против колониализма:

Поднимается новая сила,
Плещет влага от Ганга до Нила.
Это Азии кровь забурлила,
Каждой капелькой заговорила.

Поэзия Советской Азии и Востока будет представлена в этом номере также стихами азербайджанского поэта Мамеда Рагима, киргизского поэта Аалы Токомбаева, якутского поэта С. Элляя.

Из прозаических произведений в специальный номер войдут несколько глав из недавно законченной второй книги романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая», отрывок из последней части эпопеи Садриддина Айни «Бухара», рассказы туркменских писателей Нурмурата Сарыханова и Ата Каушутова, азербайджанского писателя Юсифа Азим-заде. Наконец, в этом номере будет помещена комедия узбекского драматурга Абдуллы Каххарова «Шелковое сюзане».

«Ленин и Советский Восток» — так называется подборка писем, записок, приказов, распоряжений В. И. Ленина. Эти документы расскажут зарубежному читателю о том, какой постоянной заботой о развитии культуры народов Советского Востока была проникнута деятельность основателя нашего государства.

Статьи, публикуемые в отделе критики, посвящены литературе советских среднеазиатских республик.

Мы надеемся, что специальный номер нашего журнала будет с одобрением встречен зарубежными друзьями многонациональной советской литературы.

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

К СВОЕМУ пятидесятилетию, которое исполняется сегодня, китайский писатель Чжоу Ли-бо опубликовал новый роман «Великий перелом». Он печатался в течение всей первой половины 1958 года в одном из самых популярных в стране литературно-художественных журналов «Народная литература» и только что вышел в Пекине отдельным изданием.

Но поздравления писателю-юбиляру следует направлять не в Пекин, не в редакцию журнала, одним из основателей которого является Чжоу Ли-бо, и не в правление Союза китайских писателей, а в деревню «Гора персиковых цветов» его родного уезда Иян, в провинции Хунань. Здесь скорее всего вы найдете писателя в поле среди крестьян, в широкополой соломенной шляпе и синих полотняных штанах, закатанных выше колен. Пожалуй, только большие роговые очки, которые носит Чжоу Ли-бо, помогут вам разыскать его в толпе односельчан.

Имя Чжоу Ли-бо хорошо известно не только в деревне Таохуалунь, где второй год работает он секретарем деревенской партийной ячейки. Миллионы читателей знают его и как переводчика «Поднятой целины» М. Шолохова, и как автора популярных романов, рассказов, очерков, критических статей. Роман Чжоу Ли-бо «Ураган» переведен на русский язык и пользуется успехом у нашего читателя.

Чжоу Ли-бо принадлежит к тому поколению китайских писателей, выросших под благотворным влиянием Лу Синя и советской литературы, чья личная судьба и творчество неразрывно связаны с жизнью и борьбой народа.

Огромный запас жизненных наблюдений, накопленный за годы работы писателя в деревне, лег в основу романа «Ураган» — одного из лучших в китайской литературе произведений об аграрной революции в Китае.

Новый роман Чжоу Ли-бо «Великий перелом» — это широкое полотно, показывающее жизнь китайской деревни на великом переломе от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному коллективному. Действие «Урагана» происходит в деревне на северо-востоке страны, а события «Великого перелома» — в горной деревне Центрального Китая. Однако в широком плане, в смысле отражения исторических судеб китайского крестьянства, новый роман как бы продолжает «Ураган». Если в «Урагане» показывается борьба крестьян против системы феодального землевладения, за проведение аграрной реформы, то в «Великом переломе» читатель видит, как китайские крестьяне под руководством коммунистической партии ликвидируют господствовавшую на протяжении тысячелетий систему частной собственности на землю и заменяют ее новой — кооперативной, социалистической.

Как только в январской книжке журнала «Жэньминь вэньсюэ» были напечатаны первые главы романа, он тотчас привлек к себе внимание. Со страниц журнала так и пахнуло воздухом китайской деревни. Кажется, будто ты сам побывал в маленькой горной деревушке, своими глазами увидел горные пейзажи, яркие, как произведения китайской живописи, беседовал с обитателями деревни, портреты которых нарисованы писателем скупо и точно, слышал их речь, полную неповторимого народного юмора.

В «Великом переломе» Чжоу Ли-бо создал галерею запоминающихся образов. Это молоденькая, двадцатитрехлетняя Дэн Сю-мэй, задорная, бойкая на язык и вместе с тем вдумчивая и настойчивая. Не случайно именно ее уездный комитет партии направляет в деревню в качестве своего уполномоченного для проведения кооперирования. И мудрый, неторопливый секретарь деревенской партийной ячейки Ли Юэ-хой, и вожак деревенской молодежи Чэнь Да-чунь, и хитрец и хвастунишка Тин-Балагур, в котором, при всем его национальном своеобразии, есть что-то от деда Щукаря из Гремячего Лога.

Как и в «Урагане», в новом романе Чжоу Ли-бо рисует главных своих героев в традиционной манере, присущей старому китайскому роману. Каждому из героев автор посвящает отдельную главу-новеллу, которая органически вплетается в ткань повествования. Этот прием дает возможность писателю, рассказав о прошлом своих героев, ярче показать жизнь деревни во многих своеобразных ее проявлениях.

Образ Тина-Балагура, на наш взгляд, — одна из самых крупных удач писателя. Это очень сложный характер. Он как бы соткан из противоречий, отражающих реальные противоречия жизни. Во время земельной реформы этот крестьянин-бедняк получил немало — и землю, и дом. Он верит партии. Вместе с тем он готов так же поверить любому нелепому вздорному слуху, распускаемому врагом. Противоречия между старым и новым, между нарождающимся чувством коллективизма и глубоко укоренившимися в сознании старыми частнособственническими представлениями, доверие к партии и привязанность к своему клочку земли — все это характерно не только для Тина-Балагура. Прошлое еще влияет на старика Чэнь Сянь-цзиня, середняка Вана и многих других.

Выведя на страницах своего романа галерею ярких типов современной китайской деревни, Чжоу Ли-бо показывает, как на основе ломки старых общественных отношений в корне меняются и старые привычки, обычаи, традиции, как меняется весь уклад жизни китайской семьи, как развиваются принципиально новые отношения человека к человеку.

Писатель ищет и находит среди простых крестьян образы настоящих героев нашего времени. Черты, характеризующие героев Чжоу Ли-бо, не выдуманы, не сконструированы писателем, а подмечены им в жизни. Писатель живет не жизнью кабинетного сочинителя, а жизнью своих героев. Может быть, поэтому так пленяет в этом романе искрящаяся народным юмором живая крестьянская речь, так волнует нарисованная широкая картина народной жизни. И с полным правом писатель может сказать: «Я считаю, что художественный вымысел может строиться лишь на основе внимательного наблюдения и вдумчивого изучения людей и событий реальной действительности. Не будь этой прочной основы, вымысел художника превратится в пустое и беспочвенное сочинительство, которое никого не тронет».

Владимир КРИВЦОВ

СОВЕТСКАЯ СТРАНА — НАШ НАДЕЖНЫЙ ДРУГ

Заявление Великого муфтия Сирийского района ОАР

ПОЧТИ месяц в Советском Союзе гостила делегация мусульманских духовных деятелей Сирийского района Объединенной Арабской Республики, возглавляемая Великим муфтием Сирийского района ОАР и председателем Высшего Мусульманского совета доктором Мухаммедом Абуль Юсер Абиддином. Делегация посетила Узбекистан, Таджикистан, Ленинград и закончила свою поездку знакомством с Москвой.

Наш корреспондент попросил главу делегации поделиться своими впечатлениями от путешествия по Советскому Союзу.

«В Советском Союзе, — сказал Мухаммед Абуль Юсер Абиддин, — я увидел то, что доныне не было нам известно. Меня удивляет злобная пропаганда, которую ведут против этой сильной восточной страны. Я очень признателен председателю Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтию Зияутдину Бабаханову, благодаря которому я смог посетить Вашу страну, увидеть и ощутить, каких свобод она достигла в области религии, организации труда, в его оплате, в прогрессе промышленности, торговли, сельского хозяйства и науки. Что касается Арабского Востока, то он приветствует Вашу страну, видит в ней друга, готового помочь в любой беде. Объединенная Арабская Республика стремится быть с теми, кто стоит на страже мира и безопасности. А Советский Союз — самый прочный и надежный оплот мира, страстный разоблачитель происков тех, кто жаждет разжечь новую разрушительную войну, несущую человечеству неисчислимые бедствия. Однако силы мира настолько могущественны, что расчеты его врагов обречены на провал. Объединенная Арабская Республика под руководством нашего любимого Гамаль Абдель Насера несет знамя молодости, в удел же империализму осталась дряхлая старость.

Мы, как делегация деятелей религии, интересовались жизнью людей в Вашей стране и особенно религиозной стороной этой жизни. В среднеазиатских республиках мы посетили мусульман в деревнях, познакомились с домашними условиями их жизни, с тем, как они молятся в мечетях. Мы были и в православных церквах, и в еврейских синагогах. И хотя все они, в силу различия вероисповеданий, отличаются отправлением религиозных обрядов, они равны в своих правах.

Кроме того, мы побывали в высших учебных заведениях, музеях, на промышленных предприятиях, которые являют собой предел совершенства.

Как сказал поэт:

«Того, кто мог подняться выше солнца,
Уж никому принизить не дано!»

Как говорит наш президент Гамаль Абдель Насер, мы протягиваем руку тем, кто протягивает руку нам, мы в мире с теми, кто в мире с нами, мы враги тех, кто является нашим врагом.

Мы просим Аллаха, чтобы он защитил нас от агрессоров и сохранил мир во всем мире.

В заключение я хочу поблагодарить Советский Союз за ту теплую встречу, дружеский прием и уважение, которое нам было оказано. Пусть день ото дня крепнет советско-арабская дружба».

В канун отъезда гостей из Москвы председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А. А. Пузин устроил в их честь обед. В речах, произнесенных на этой встрече, звучала твердая уверенность в том, что советско-арабская дружба будет крепнуть изо дня в день и послужит делу укрепления мира во всем мире.

ОБ ОШИБОЧНЫХ ВЗГЛЯДАХ ГЕОРГА ЛУКАЧА

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

не переводчик с языка понятий на язык искусства, а мыслитель, владеющий художественной мыслью, логикой образов, творящий их и мыслящий ими. Но передовая теория способна обогатить мировоззрение писателя, укрепить развитие художественной мысли, усилить ее обобщающий размах, ее проникновение в глубь действительности. Такая теория находит поддержку в жизненных наблюдениях писателя.

В одном из разговоров с Лениным на Капри Горький высказал мысль, что для него «мир только что начинается, «становится», — мысль, вызвавшую горячее одобрение Ильича. Этот вывод несомненно оплодотворяет собою автобиографическую трилогию и ряд связанных с нею произведений, возникнув как из жизненного и художественного опыта автора «Моих университетов», так и из его философских раздумий.

По мнению же Лукача, «всякое теоретическое познание мира, человека и т. п. — независимо от того, правильно ли оно в теоретическом отношении или нет, — только тогда окрыляет творчество, когда оно полностью в нем воплощено». Но каким же иным путем, кроме длительных и мучительных исканий, способно теоретическое познание претвориться в художественном произведении? Как будто идейные искания художника (разумеется, если они исходят из передовой теории) не плодотворны сами по себе, с точки зрения заложенных в них возможностей?

Но так как Лукач отделяет художника и мыслителя непроходимой гранью и пренебрегает мировоззрением писателя, то естественно, что самое претворение теоретического познания в художественное творчество выглядит у него чем-то внезапным и, в сущности, необъяснимым. Такое «признание» роли теоретического познания оказывается в высшей степени двусмысленным, тем более, что **идейное качество** этого познания, с точки зрения Лукача, совершенно *безразлично*. Об этом особенно ясно свидетельствует следующее его утверждение: «...Если отношение между теоретическим и художественным отражением является таким промежуточным и диалектическим, а решающее значение имеет правильность художественного отражения, то оплодотворяющим стимулом может также стать теория сама по себе несовершенная, и даже просто неверная. Такой ортодоксальный марксист, как Ленин, ясно признал это в своем письме к Горькому: «*Кроме того я считаю*, что художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии».

Нет никаких оснований утверждать, как это делает Лукач, что Ленин считал «всякую философию» «оплодотворяющим стимулом» для художника. Ленин, как показывает вся его переписка с Горьким, никогда не относился безразлично к философским взглядам и оценкам Горького. Достаточно вспомнить радость Ленина, прочитавшего в письме Горького от 25 января 1913 года слова о том, что «социалистическая мысль прослоена разнообразными течениями, в корне враждебными ей: тут и мистика, и метафизика, и оппортунизм, и реформизм, и отрыжки изжитого народничества». Эти «восхитившие» Ленина слова были особенно драгоценны потому, что свидетельствовали об освобождении Горького от идеалистических махистских влияний. Об опасности и ошибочности последних Ленин бережно и терпеливо, но настойчиво и неоднократно предупреждал Горького.

Говоря же о том, что художник может почерпнуть много полезного из «всякой философии», Ленин имел, вероятно, в виду познание писателем духовной жизни эпохи. В идейной борьбе художник должен не только занять определенную идейную позицию, но и суметь изобразить эту борьбу, ее участников, идейное и интеллектуальное содержание этих характеров. В этом смысле именно художник черпает полезный материал из всякой философии. К тому же Горький великолепно умел изображать мысли и переживания, вызванные теми или иными философскими теориями. Вспомним рассказ «О вреде философии».

Недавно в сборнике «В. И. Ленин и А. М. Горький» были опубликованы заметки Горького, содержащие рассказ об одной беседе с Лениным. Горький предварил это сообщение следующими словами: «Люди читали, учились, а я, начиная с 907 года, усердно копался в пыли и мусоре литературы и публицистики той интеллигенции, которая отвернулась от рабочего класса и пошла на службу буржуазии. Это — тяжелая работа, но я должен был сделать ее для того, чтоб знать по возможности все, что может отравить, задержать рост революционного правосознания пролетариата. Сколько подлого и глупого прочитано мною!».

Услышав об этом от Горького, Ленин так отметил особенность отношения художника, в отличие от политика и публициста, к этому «подлому и глупому» материалу: «Дураком вообразить себя я не имею права, а вы — должны, иначе не покажете дурака. Вот — разница».

Следует думать, что аналогичный смысл вкладывал Ленин и в свои слова о том, что художник может почерпнуть много полезного из «всякой философии», то есть по-своему вдумываясь и вживаясь в какую-нибудь ложную философскую систему, он и формирует на этой основе характеры «дураков».

Итак, Лукач при помощи произвольного истолкования слов Ленина предлагает такое понимание партийности в литературе, которое выветривает истинное содержание этого понятия. Он противопоставляет партийность осознанным взглядам писателя, революционной теории, общественной активности писателя.

По сути дела, в устах Лукача слово партийность служит для маскировки попыток ревизионистов заставить литературу социалистических стран отказаться от ленинского принципа партийности, от коммунистической идейности. Такая литературно-политическая линия полностью соответствовала всему духу политической деятельности Георга Лукача в преддверии и во время венгерских событий.

ИОЖЕФ СИГЕТИ отмечает, что 14 октября 1956 года Лукач выступил с заявлением, в котором содержалось отрицание «принципиальной противоположности» между «буржуазным реализмом и социалистическим реализмом».

Работа Лукача «Критический реализм в социалистическом обществе» и представляет собой попытку, несмотря на «хорошие слова» (те обманчивые «хорошие слова», о которых писал Щедрин) и оговорки, затушевывать принципиальные различия между критическим и социалистическим реализмом, подобно тому, как в своих политических выступлениях Лукач затушевывал различие между буржуазной демократией и социализмом, сводя содержание последнего к борьбе за мир. В этой работе вновь обнаруживается с полной ясностью своеобразная цельность концепции Г. Лукача, неотъемлемым элементом которой всегда выступает пренебрежение мировоззрением писателя.

По словам Лукача, «...проявлением сектантско-бюрократической ограниченности сталинского периода было также и то, что в проблеме изображения социалистической действительности постоянно переоценивалось значение коммунистического сознания, мало того — иногда только за ним признавалось вообще право выявления трудностей либо ошибок».

Вот и оказывается, что именно критический реализм, представители которого в той или иной степени связаны с буржуазной идеологией, и призван-де к тому, чтобы изображать трудности, ошибки, недостатки социалистического общества, которые к тому же Лукачем, как и всеми ревизионистами, грубо преувеличиваются. «Такого рода жизненные факты, — пишет Лукач, имея в виду народно-демократические страны, — показывают реальное поле действия для критического реализма в развивающемся социалистическом обществе...»

Рассуждая таким образом, Лукач пытается сослаться на опыт советской литературы, на то положение, которое существовало в ней перед Первым съездом советских писателей. Поэтому небесполезно привести слова А. Луначарского из доклада, сделанного им в феврале 1933 года на II пленуме Оргкомитета ССП СССР, слова, относящиеся к той же самой проблеме, которую ставит Лукач, но освещающие ее с совершенно иных позиций. Упоминая о «реалистах буржуазного типа», Луначарский говорит здесь: «Они не могут быть довольны действительностью, не могут петь с ней в унисон, потому что в нашей стране действительность социалистическая, и буржуазному человеку в унисон с ней петь нельзя никак. Значит, они попадают в положение недовольных элементов, угнетенных элементов. Какое же они будут создавать искусство? Они будут создавать художественные протоколы, художественные фотографии заднего двора нашей революции, будут говорить, как свинья в крыловской басне, что они «весь задний двор изрыли» и ничего хорошего там не нашли... С точки зрения социалистического реализма это не правда — это ирреальность, ложь...»

Сопоставляя приведенные высказывания Г. Лукача и А. Луначарского, мы ясно видим две противостоящие друг другу литературно-политические линии: линию ревизионистскую с ее неверием в социалистический реализм, с ее отрицанием коммунистической идейности литературы и фактической защитой буржуазной идеологии в ее борьбе с социалистической и, с другой стороны, линию партийную, для которой центральными вопросами литературного движения являются успехи социалистического реализма в связи с революционным развитием действительности, повышение идейного уровня советской литературы в борьбе с чуждыми ей буржуазными влияниями.

Не требует пояснений, что выступление Лукача на защиту реализма, находящегося под буржуазными влияниями, было вместе с тем направлено против реализма социалистического. Эта тенденция особенно ясно обнаруживается в попытках Лукача игнорировать, отрицать или, во всяком случае, всемерно преуменьшить способность социалистического реализма видеть и изображать действительность в ее революционном развитии к будущему.

Еще в своем докладе «Проблема перспективы» на IV съезде немецких писателей в январе 1956 года Лукач стремился всячески ограничить возможности изображения социалистическим реализмом тех «путей к будущему», о которых писал Горький. Лукач подошел с грубой предвзятостью к этому сложнейшему вопросу, имеющему в период постепенного перехода СССР от социализма к коммунизму и приближающегося завершения строительства социализма в странах народной демократии столь очевидно острозлободневное значение. Он попытался решить эту проблему, так сказать, чисто «арифметическим» путем, уверяя, что литература социалистического реализма способна изображать лишь «ближайший шаг» в будущее, «ближайшее звено» последнего.

Степень тенденциозности Лукача особенно ясно сказалась в том, что в качестве доказательства он привел, как ни странно, эпилог «Войны и мира», совершенно забывая о том, что для самого Толстого декабристское движение, предвосхищение которого чувствуется в сне Николеньки, было прошедшим, а не будущим и что поэтому пример этот в данной связи ни о чем свидетельствовать не может.

Изображение литературой социалистического реализма передового человека как человека, непрерывно растущего и поэтому завоевывающего будущее, изображение наших современников как новых людей социалистического общества, несущих в себе те черты, которые достигнут полного расцвета при коммунизме, — вот что имеет здесь решающее значение.

И можно ли отрицать, что «Мать» и автобиографическая трилогия Горького, творения Маяковского, Фадеева, «Поднятая целина» Шолохова и другие произведения советской литературы дают огромный материал для глубокого и непредвзятого исследования данной проблемы. Ибо наши лучшие писатели, изображая своего передового современника, дают тем самым почувствовать, понять и осязать «коммунизма естество и плоть», если использовать выражение Маяковского. Между тем именно этот круг вопросов Лукач обходит полностью.

Лукач вновь проявил здесь свое неверие в поступательное движение социалистического общества, в быстроту массового роста его новых людей, которые, сквозь противоречия, трудности и недостатки нашего бурного революционного развития, все лучше учатся, как писал Твардовский, «вдаль смотреть наверняка».

В своей работе «Критический реализм в социалистическом обществе» (здесь опять-таки привлечен пример эпилога «Войны и мира») Лукач пошел дальше. Теперь революционный романтизм, революционная романтика просто-напросто объявляются «эстетическим эквивалентом экономического субъективизма». Опровергать это явно абсурдное утверждение не стоит. Но очевидно, что таким путем Лукач вновь пытается сузить перспективу будущего, доступную социалистическому реализму.

МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ в этой статье главным образом на двух сравнительно недавних работах Георга Лукача, написанных в крайне обострившейся политической обстановке и именно поэтому до предела обнаживших всю ошибочность его теоретических принципов в области эстетики и литературной науки. Ревизионистский характер этих основополагающих для мировоззрения Лукача как теоретика литературы концепций очевиден.

Что же касается ранее опубликованных книг Лукача, то необходим анализ этих работ для выяснения того, в какой мере большой исторический — литературный и философский — материал, в них содержащийся, подвергся искажающему влиянию подобных концепций, в какой мере тот или иной труд сохраняет определенную ценность. В этом заключается одна из первоочередных задач наших литературоведческих и философских журналов.

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва. Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—04081